

A painting of autumn leaves with raindrops on a window pane. The leaves are in shades of orange, yellow, and green, and the raindrops are depicted as white streaks on a dark background. The overall mood is melancholic and nostalgic.

Григорий Солонец
ЛЮБОЛЬ



**Мінскае абласное аддзяленне
Саюза пісьменнікаў Беларусі**

Григорий Солонец

ЛюБоль

Рассказы

2023

Электронная библиотека
Минского областного отделения
Союза писателей Беларуси

Серия основана в 2023 году

Под редакцией Р. Ю. Малаховского

№ 008

Солонец, Г. В.

ЛюБоль : рассказы / Григорий Солонец. —
Минск : МОО СПБ, 2023. — 128 с. (Электронная
библиотека).

В книге «ЛюБоль» автор рассказывает о житейских историях, нелегких судьбах разных по характеру, темпераменту, профессии мужчин и женщин, которых объединяет Вселенная для двоих – Любовь. Но за право любить и быть любимым или любимой героям книги приходится пройти через серьезные испытания, ощутить боль и разлуку сердец...

© Солонец Г. В., 2023

© Подготовка, оформление.

ОО «Минское областное отделение
Союза писателей Беларуси», 2023

БАБЬЕ СЧАСТЬЕ

Анна рано вышла замуж. Ее подруги еще зубрили учебники и грезили об институте, а она уже примеряла свадебное платье перед зеркалом. Мама, любуясь дочерью, все приговаривала:

– Ой, милая, не спешила бы ты под венец. Еще хоть пару годочков погуляла бы. Я в восемнадцать и не думала о замужестве.

На что Аня, притворно сердясь, отвечала:

– У каждого человека своя жизнь, мама. Что я на тебя должна равняться, когда есть у меня Петя, родной, любимый. Он ждать не будет, пока я нагуляюсь.

Свадьбу сыграли по деревенским меркам шикарную. Гостей собралось больше сотни. Жив был бы отец, порадовался за старшую дочь: выросла красавицей, умницей, хозяйственной.

С Петром Румянцевым их детство прошло на одной улице. Вместе играли, ходили в школу. Сначала здесь, в Слободе, в восьмилетку, затем в соседние Першаи. Бывало, возвращались вместе домой, через лес, напрямик, и давай, как когда-то, в прятки играть. Если Петя находил ее за пять минут, ему Анин поцелуй в порядке поощрения полагался, нет – она уже придумывала, что с ним сделать. Обычно в качестве наказания велела на руках, сколько сможет, ее нести, а затем с наигранной торжественностью вручала портфель, который требовалось до самой хаты доставить. Он, конечно, быстро находил ее за деревьями и кустами, впрочем, она особо и не пряталась, потому что слишком уж сладко целовал ее Петя.

В 10 классе, перед выпускными экзаменами, к которым вместе готовились, они твердо решили, что сразу после окончания школы поженятся. В сельсовете, куда принесли заявление, им разъяснили, что надо подождать до весны, когда им исполнится восемнадцать. Как же долго в юности тянутся дни! Может, от того такое ощущение времени, что

дней этих впереди немерено, а планов, как емко сказал поэт, громадье.

И вот с прилетевшими с юга ласточками их большая мечта стала явью. Кажется, более счастливой пары не было во всей округе.

Через девять месяцев Аня родила сына. Первенца назвали Андреем. Они в нем души не чаяли. Петя, каким бы уставшим не приходил с работы, с удовольствием брал мальчонку на руки и подолгу играл с ним. Так же тепло, по-сыновьи относился он и к теще, временно приютившей молодую семью в своем просторном деревенском доме. Построил его еще муж Надежды Кузьминичны, всю свою, не слишком долгую жизнь, проведший на природе. Трудился Иван Дмитриевич лесником, а дома держал большую, в полусотню ульев, пасеку. За медом к нему приезжали даже из столицы, и хозяин щедро угощал гостей, а со старых друзей вообще денег не брал.

Когда Дмитрича, как уважительно называли его односельчане, не стало (где только взялась та злосчастная опухоль), уже на второй день, будто с горя, пропало несколько пчелиных семей. Осиротел на время и лес, где вновь застучали по ночам браконьерские топоры. А ведь при жизни Иван Дмитриевич спуска никому не давал, даже друзьям, которых хлебосольно дома принимал. Никому не разрешал он самовольно, где вздумается, рубить деревья. Когда заставал кого на горячем, на первый раз штраф выписывал. А на злостного нарушителя, никого не боясь, в суд подавал. Не раз повторял вслух истину, которой верно всю жизнь служил: «Природа – это навеки дар божий, храм, куда человек не с топором, а с молитвой входить должен». Так и дочерей – Аню и Свету в строгой справедливости и трудолюбии воспитывал. Потому и выросли они не избалованными белоручками, а хозяйственными, самостоятельными.

Аня не могла нарадоваться своему женскому счастью. Сын рос как на дрожжах, здоровым и смышленным, муж по-прежнему носил ее на руках. Ане иногда казалось, что это не

ее, а чья-то чужая, книжная жизнь проходит перед глазами. Но кто-то, видимо, сглазил, по-черному позавидовал ее семейному благополучию. И оно, не сразу, конечно, а исподволь незримо короткими шажками направилось к выходу, за порог.

Когда ее любимого Петю после двух отсрочек все же призвали в армию, Аня сердцем почуяла, что это не к добру. Но что она могла сделать? Какой военком внял бы ее незаконным просьбам не призывать мужа в солдаты? Сыну исполнилось три годика, отсрочка уже предоставлялась.

– Вот если бы ты снова забеременела, тогда бы твоего Петю оставили в покое, – просветила всезнающая соседка. Эх, где она раньше была со своими советами!

– Ничего, как в песне поется, отслужу как надо и вернусь, ты только жди! – наказывал жене муж, без пяти минут солдат. Не знал и не мог знать Петр Румянцев, что та песня не про него сложена. Не суждено было бывшему трактористу и отцу семейства вернуться в родную Слободу из чужого и далекого Афганистана. Геройски погиб он в горах Гиндукуша за считанные недели до «дембеля», вынося раненого товарища из-под огня...

Когда гроб с телом Петра на военном «Урале» привезли в родительский дом, мать и отец враз поседели, а прибежавшая с огорода Аня, как подкошенный серпом стебелек, упала к изголовью мужа, не веря глазам своим, залитым слезами.

– Петенька, родной, любимый! Ты слышишь меня?! На кого ты нас оставил!? О, Боже, чем провинились мы перед тобой?! – надорвав голос, без передышки, причитала Аня, позабыв обо всем на свете. Так и просидела у гроба всю ночь, выплакав все слезы. Когда под утро попыталась встать, то едва не упала: голова кружилась, и ноги не слушались совсем.

Похоронили Петра на сельском кладбище, как полагается, с воинскими почестями. В последний путь провожали всей деревней, как и гуляли на свадьбе.

«Как давно это было и со мной ли?» – едва очнувшись от горя, спрашивала себя Аня. Перебирая как-то вещи в

домашнем шкафу, наткнулась на белоснежное платье невесты, оставленное на память, и горько заплакала. Кончилось ее бабье счастье.

...Отшумели, состарились березы в отцовском лесу. Опустел и покосился от ветхости давно не знавший хозяйских рук родительский дом, ставший их семейной гаванью. Аня с выросшим сыном бывает в нем нечасто. Когда еще была жива мама, то старалась в каждый выходной приехать. Тянуло ее сюда. А теперь – нет.

Андрей, вымахавший под два метра, недавно женился. Говорит, что жить не может без своей Лиды. Глядя на молодых, вступающих в самостоятельную жизнь, Аня радуется за них и украдкой прячет появляющиеся слезы. Она никак не может забыть, что вот так же, четверть века назад, была безгранично счастлива сама. И наивно надеялась, что это навсегда.

Храни же, господь, их юное счастье.

ЗАКОН СУПРУЖЕСКОЙ ВЕРНОСТИ

Игорь и Светлана развелись, когда Маше исполнилось 13 лет. Отметим дочкин день рождения, с артистизмом изобразив семейную идиллию и решили, что больше обманывать ее и себя не станут. Так лучше обоим: Игорю не надо больше скрывать любовных походов на стороне, вызывавших маниакальный приступ ревности у законной супруги, не желавшей ни с кем его делить.

Да и кандидат на вакантное место мужа уже наметился – Светин коллега по работе, инженер-конструктор, по мнению начальства, на редкость способный и перспективный специалист. Слава давно симпатизировал ей, частенько без надобности, просто так заходил в их бюро технической документации, чтобы перекинуться парой ничего не значащих фраз или в качестве производственной разрядки рассказать смешной

анекдот. Уходя, он непременно одаривал ее лучезарной улыбкой, в шутку призывал повышать работоспособность и обещал наведаться с проверкой по этому поводу. На корпоративах, которые трижды в год организовывал обозначивший себя профсоюз, – перед 8 марта, в профессиональный праздник – День машиностроителей и накануне Нового года, Слава только ее приглашал на медленный танец. И они красиво кружились в вальсе, не обращая ни на кого внимания.

Острые на язык подруги им уже служебный роман приписали и в одну постель давно уложили, да только досужие сплетни все это, ничего такого и близко не было в их чистых, можно сказать, платонических отношениях. Хотя такой сценарий вполне мог сложиться, но только при одном условии: если бы Света не была замужем. Она в этом смысле старомодна, вся в маму с бабушкой, для которых супружеская измена отнюдь не романтический адюльтер, как говорят изысканные французы, а настоящее предательство человека. И ему не может быть прощения даже при каких-то смягчающих вину обстоятельствах.

Так что это, наверное, у нее наследственное – неприятие обмана, откровенной или искусно замаскированной лжи близкого человека, каким был (а был ли?!) Игорь.

Первый раз она уличила его в неверности лет пять назад, случайно увидев через окно троллейбуса прогуливающимся по улице в приобнимку с какой-то смазливой блондинкой. Девушка чему-то залиvisto смеялась, ловко строила глазки галантно раскованному кавалеру, чужому мужу и с удовольствием вдыхала запах подаренных роз.

Тогда Света едва сдержалась от назойливого желания выйти на первой же остановке и демонстративно направиться навстречу воркующей парочке. В последний момент сдержалась, посчитав унижительным устраивать слезку с уличной сценой ревности. Поэтому в тот вечер, как никогда, ждала возвращения мужа с работы. И едва он переступил порог квартиры, тут же выложила главный козырь, упаковав

его в саркастический вопрос-шпильку: «Что же, дорогой, ты так неразборчив в женщинах, мог бы и покруче бабу найти!»

Как хороший полководец, она сделала ставку на эффект внезапности, когда застигнутый врасплох противник наиболее уязвим. Но Игорь и не думал капитулировать, даже предпринял контратаку.

– Зачем мне кого-то находить? Может, это меня находят? С другой стороны, я же не слежу, с кем ты совершаешь променад в обеденный перерыв. Наверное, в вашем проектном институте не только сотрудницы в юбках работают, слышал, что и мужики, талантливые инженеры-конструкторы, водятся.

«Он, конечно, наобум сказал и попал в самую точку. Хотя нет, скорее всего, кто-то наябедничал, и этот кто-то, конечно, женщина, более того, ее подруга. Неужели Галка, эта любительница сплетен, донесла? Ох, и не поздоровится же ей!».

Они тогда объяснились с Игорем, как ей казалось, расставили точки над «i», хотя и на повышенных тонах. Но через неделю он и вовсе не пришел домой, прислав под вечер короткую смс: срочно уезжаю в командировку. До появления в ее жизни тайной блондинки Света, наверное, спокойно отнеслась бы к неожиданному отъезду мужа: иногда его, как ведущего специалиста-практика НИИ отправляли даже за границу по обмену опытом. Но тут на автомате включились женская логика и интуиция, однозначно настаивавшие на том, что командировка придумана для сокрытия любовных утех на стороне. Но так как прямых доказательств измены у нее не было, а Игорь в качестве алиби предъявил билеты на поезд, Света поверила.

Последней же каплей, переполнившей чашу ее терпения, стали интимные фото и любовная переписка в чате, беспечно сохраненные Игорем на своем мобильнике. В спешке собираясь на работу, он забыл его дома за креслом. Так и пролежал бы там, если бы не звонки. Вначале Игоря набрал

коллега, но подняв телефон с пола, Света отвечать не стала. Когда через полчаса мобильник снова ожил, она лишь мельком из любопытства глянула на экран. Вызов был от какой-то Марины. «Это что еще за б...дь?!» – почему-то именно так подумала, а внутри будто граната взорвалась. Инстинктивно схватила телефон и стала листать историю вызовов. Этот номер был «забит» в базу и лидировал среди входящих и исходящих вызовов.

В вайбере она увидела переписку и откровенные, полностью изобличающие ее суженого, фотографии.

По возвращении блудного мужа она заявила, что подает на развод. Он, конечно, предлагал не рубить с плеча, сохранить брак, хотя бы ради дочери, которую, кажется, любил больше, чем ее. Но Света решила в этот раз идти до конца. Всепрощеньство – не скорая помощь, да и спасти уже нечего: кончились чувства. Можно понять и простить любимого человека один раз, второй, но не ежемесячно же, унижаясь, «входить в положение»! Всему есть предел.

За 13 (действительно несчастливое число!) совместно прожитых лет она только и делала, что шла на уступки, помня мамины напутственные слова: достаток в доме муж обеспечит, а счастьем и любовью его наполнит жена. Эх, если бы хоть наполовину многочисленные свадебные пожелания и мудрые пословицы сбывались, уже полпланеты жило бы в счастье!

– Недвижкуху как делить будем? – деловито спросил, кажется, смирившийся с ее категоричным решением еще «действующий» муж.

– По справедливости, нам с дочкой квартира, тебе, так уж и быть, гараж. На крышу над головой с новой пассией еще заработаешь.

– Свет, а дочь ведь не недвижимость, чего ты за нее решила, с кем ей будет лучше? Надо у нее хотя бы спросить.

– Она несовершеннолетняя, ее мнение важно, но не может считаться юридически состоятельным.

По подкованности в правовых вопросах и твердости характера жены Игорь понял, что у него немного шансов повлиять на решение суда в свою пользу. И все же он поднялся и пошел в комнату дочери: ему хотелось тет-а-тет поговорить с ней.

Маша, кажется, не восприняла всерьез то, что услышала. Какой развод, зачем он нужен, разве нам плохо вместе жить? Зачем тогда вы женились? Его немного сбивчивое объяснение, мол, у взрослых так бывает, живут-живут, а потом любовь проходит, чувства угасают, и люди расходятся, создают новые семьи. Да, это не очень хорошо, но и большой трагедии нет, бывшие супруги часто поддерживают отношения и даже иногда дружат. Только живут порознь, не в одной квартире.

– Ты с кем бы хотела жить, со мной или с мамой?

– С вами обоими, – искренне произнесла Маша и на ее глазах появились слезы.

Игорь прижал дочь к себе, как мог, успокоил, погладил по худеньким плечикам. Он хотел сказать, чтобы она так не переживала из-за их с мамой развода, что они по-прежнему будут встречаться и видеться, но не смог, в горле будто комок застрял.

В комнату вошла жена. Нет, чтобы помолчать, так нет же, обязательно надо съязвить:

– Наконец вспомнил папаша о родной дочери, припал к ней... Да в провинциальных театрах эту мизансцену намного лучше играют!

Игорь и словом не обмолвился, пропустил мимо ушей обидные слова, лишь холодно, отстраненно, как на чужого человека посмотрел на жену. Куда оно только все девается – волнующие чувства первых свиданий, жаркие объятия, страстные поцелуи, приводящие к логичному свадебному венцу. Когда на свет появилась Машенька, здоровенькая, розовощекая, потешная, Игорь и Светлана оказались на седьмом небе от счастья. Любовь к родному человечку, казалось, навсегда сплотила, объединила их союз двух, нет,

теперь уже трех. И, казалось, не страшны никакие невзгоды, преграды, испытания – все преодолимо, когда любящие сердца стучат в унисон, как одно. И наоборот начинается аритмия, скачет давление и впадаешь в ступор, когда видишь, как разрушается выстроенная по индивидуальному проекту крепость – твой дом, твоя семья.

Судья, симпатичная женщина предпенсионного возраста, не стала докапываться до сути, чтобы установить истинные причины развода, записала традиционное, ими озвученное объяснение: не сошлись характерами. И все же прежде, чем письменно оформить развод, предложила взять месяц на раздумья. Светлана сразу отказалась, а Игорю уже ничего другого не оставалось, как с ней согласиться.

Спустя год Светлана снова сменила фамилию, выйдя замуж за своего инженера-конструктора. Те, кто их знает, говорят, что они со Славой словно созданы друг для друга. И тихое семейное счастье прописалось на тех же квадратных метрах. Потому что живут они по закону супружеской верности, который для себя придумала Света. Суть его в том, что чем меньше числитель (количество любви), тем больше ссор и поводов для поиска гармонии, своей второй половины на стороне (знаменатель). Так, к сожалению, было у них с Игорем. Она пыталась разобраться, почему он стал ходить налево. «Я что плоха в постели?» – спросила с обидой однажды без обиняков. И услышала, что дело не в этом. А в чем тогда?

– Не знаю, Свет. Но ты какая-то правильная, будто запрограммирована на хорошее: тебе главное, чтобы в доме было прибрано, полы, окна до блеска вымыты, еда приготовлена. Спасибо тебе, конечно, но я же не на домработнице женился. Скучно живем, однообразно. Тебя из дому вытащить еще надо постараться да поуживать. А мне праздника хочется, понимаешь?

Услышали, уважаемые женщины? Так что если хотите, чтобы брак был максимально устойчив, а супруг предан вам до гроба, доведите числитель дроби до максимального

значения. Окружите благоверного постоянной заботой и лаской, создайте ему не только домашний уют, но и праздник на душе.

Своего бывшего мужа Светлана даже не вспоминает, будто и не было его вовсе. Поначалу он передавал «приветы» через дочь, но по мере взросления Маши их встречи стали все реже и реже. Однажды совершенно случайно Света встретила на улице давнюю знакомую, от которой и узнала, что Игорь продолжает «гусарить». Человек-праздник, что с него возьмешь. Видать, и впрямь семья для него, что пятое колесо в телеге. В таких случаях закон супружеской верности попросту не работает.

ИЗ ЖИЗНИ ОТДЫХАЮЩИХ

– На танцы ходил? – первое, что спросила жена, когда вернулся из санатория. Уверен, этот вопрос в прямой или косвенной постановке задают и другие женщины своим благоверным, отдохавшим по «холостяцкой» путевке. Интерес подогрет еще и искусственно: сколько баек и даже легенд ходит о вольготной курортной жизни, в которой чего только не бывает. Отдыхающие со стажем, для пущей убедительности приврав малость, с удовольствием расскажут вам о десятках любовных историй, головокружительных романах замужних женщин с молодыми мужчинами и наоборот, о почти шекспировских страстях, не знавших разумного предела и норм приличия, о распавшихся в итоге семьях... Разумеется, никаких фамилий, адресов и других улик приведено не будет, а только самые общие ориентиры вроде «блондинка из Витебска», «плейбой Макс из Барановичей», «старый Казанова, прикидывавшийся вдовцом» и т.д. Что здесь правда, а что вымысел определить так же трудно, как найти монету на многолюдном вокзале.

Но дыма, как известно, без огня не бывает. А посему приглашаю вас в клуб санатория, на танцы. Умеющий наблюдать увидит здесь много занятого.

Первым в тот субботний вечер на танцплощадку пришло трио женщин предпенсионного возраста. Как и положено, нарядно одетые, с подкрашенными губками и с аккуратной прической они решили, что после ужина самое время устроить душе и телу физкультурно-музыкальный отдых, тем более, что и лечащий врач рекомендовал. Как тут не вспомнить молодость, если это еще и для здоровья, оказывается, полезно?! Вскоре подтянулись дамы бальзаковского возраста, а за ними уже к танцполу несмело подошло несколько кавалеров. Приятно пахнущие одеколоном и...пивом, слегка возбужденные и что-то обсуждающие (уж не футбольные ли результаты вчерашнего тура?) мужчины – седовласые и лысые, в меру стройные и не очень – стеснительно-скромно подпирали угловую стенку, словно боялись, что она обрушится. Они делали вид, что оказались здесь случайно, мол, от скуки развеяться зашли на полчаса, но рыскающие по сторонам глаза выдавали в них азартных охотников за женщинами.

Наконец мужские взгляды сфокусировались на высокой блондинке в темных элегантных брюках и розовой кофточке, затем «декорации» сменились. В центре внимания оказалась уже стройная дама лет сорока пяти с девичьей фигурой, прелести которой лишь рельефнее обозначал узкий светло-голубой костюм. Наверняка, не в одном мужском мозгу зафиксировалась мысль: «Надо пригласить эту девушку-женщину на вальс».

Ближе к эстраде стенку напротив спинами полировала смешанная компания, успевшая за время отдыха в санатории перезнакомиться, так что этот танцевальный вечер для них явно не первый. У входной двери выжидательные позиции заняло старшее поколение, молодость которого совпала с ударными темпами хрущевских семилеток. Эти дедушки и бабушки, похоже, здесь коротают досуг перед вечерним

кефиром. Наконец-то из динамиков звучит музыка и, образовав широкий круг, все желающие попадают под ее магическую власть.

В центре выделяется эффектно танцующая пара: стройная крашеная брюнетка лет тридцати пяти и высокий, седовласый, с былой военной выправкой мужчина, наверное, вдвое старше ее. Он легкими, едва заметными прикосновениями пытается ухаживать за партнершей, а также изо всех сил старается не отстать от заданного ею танцевального ритма. Но, увы, с каждой минутой разница в возрасте дает о себе знать. Ноги уже не так послушны, да и дыхание сбилось, но польщенный обнадеживающей милой улыбкой, кавалер вновь приглашает даму на быстрый танец. Так и хочется из мужской солидарности воскликнуть: «Держись, старина, до последнего, не подводи наше племя!» И он держится молодцом.

Сосед по номеру Василий Степанович, заядлый рыбак, даже в санаторий со спиннингом приехал и умудрился им в озере поймать несколько щук и окуньков, похоже, еще находился под впечатлением улова. Тот же азарт и блеск в глазах, только уже во взгляде на других «рыбок». В Бресте у него, видного 50-летнего мужчины, наверняка есть жена, дети, а может уже и внуки. Но здесь он один, на свободе и, видимо, вновь, как в давно ушедшей молодости, почувствовал себя Мачо, способным вскружить голову любой женщине. Правда, с этими иллюзиями Василию Степановичу не без сожаления пришлось расстаться после того, как с умело заброшенного им «крючка» ловеласа дважды сорвалась, казалось, уже пойманная симпатичная краля. А окончательный удар по мужскому самолюбию нанесла стройная бабушка лет 70, пригласившая Василия Степановича на белый танец. И закружились они в вихре вальса под завистливые взгляды толстухек, скучавших в углу без мужского внимания.

А на авансцену тем временем вновь вышла упоминавшаяся уже пара: крашеная брюнетка и высокий,

седовласый мужчина с военной выправкой. За эмоционально исполненное танго они сорвали заслуженные аплодисменты.

После окончания танцев оживленный людской поток неспешно направился к спальным корпусам. Музыка сблизила, познакомила отдыхающих со всей страны. Им было о чем поговорить. Некоторые мужчины с удовольствием вели под ручку дам. И поди разберись: муж с женой это или без пяти минут любовники. У «Титаника» (так прозвали второй корпус, отдаленно напоминающий по форме многопалубный корабль, его обитатели) в гордом одиночестве стоял и курил все тот же не стареющий мужчина с военной выправкой. Его очаровательной молодой партнерши и след простыл.

...Утром в зале лечебной физкультуры мы снова встретились. Разговорились, познакомились. Павлу Ивановичу, как выяснилось в беседе, уже 75, он несколько лет как вдовец. Потеря жены «чудесной женщины, с которой прожил без малого полвека» стала серьезным ударом по здоровью. Никогда не жаловавшийся на сердце после похорон Павел Иванович стал ощущать серьезные перебои в его ритме, с которыми постоянно борется, принимая этацизин и кордарон. Да еще вот хорошее средство врач прописал – лечебную физкультуру.

– А танцы – это так, для души, – улыбнувшись, сказал. – Они отвлекают от горестных дум. Правда, вчера я малость переусердствовал, давление резко подскочило, да и аритмия усилилась. Долго не мог уснуть, пока не принял дополнительную порцию таблеток.

Про зажигательную брюнетку он и словом не обмолвился, как будто ее и не было никогда. А вот о том, что он отставной полковник, Павел Иванович вскользь сказал. На пиджаке я увидел орденские планки. Была там и Красная Звезда.

– Это за выполнение специального правительственного задания, – сухо пояснил, не вдаваясь в подробности. Да и к чему постороннему человеку, случайно встретившемуся в санатории, знать их?

...В последнее воскресенье октября золотая осень сдала вахту зиме. С утра резко похолодало, и к неудовольствию отдыхающих, среди которых каждый второй грибник, пошел мокрый снег. Теперь одним любимым занятием стало меньше. Что остается, кроме традиционных танцев и обязательных лечебных процедур? Бильярд, настольный теннис, шахматы да неторопливые прогулки по лесным тропинкам с беседами за жизнь. Поздняя осень, по-хозяйски убирающая последние листья с деревьев, навевала грусть. И только трудяге-дятлу, стук которого особенно слышен в тишине, кажется, все нипочем.

ЛЮБОЛЬ

Люба Большакова родилась в сотне километров от столицы, в лесной деревушке с космическим названием Венера. Когда и почему так назвали небольшое поселение людей с одной улицей, даже районные краеведы точно не знают. А предполагать можно все что угодно, в том числе и фантастические версии о каких-то невидимых связях со второй по удаленности от Солнца планетой.

Сельские же девушки, как натуры более тонкие и романтические, связывали необычное название с древнеримской богиней любви Венерой. И верили, что оно принесет им удачу и счастье.

Самое удивительное, такие надежды с приметами стали сбываться.

Лучшие школьные подруги Любы – Света и Катя удачно вышли замуж, сменив сельскую прописку на столичную, обзавелись уже детишками. Любка им по-хорошему завидовала, в душе надеясь, что еще встретит своего принца на белом коне и ее жизнь сложится так же красиво, как и у подруг.

Не поступив с первого раза в торгово-экономический институт и немного погоревав по этому поводу, Люба трудоустроилась в сельмаг вместо ушедшей в декрет Лиды Туренок. А вечера проводила за учебниками: от мечты стать студенткой она не отказалась.

На Новый год в Венеру к родителям приехал Валерка Орловский или по-уличному Орел. Он на пять лет старше Большаковой, уже успел закончить военное летное училище и служил в Лиде. Весть о его приезде быстро разнеслась по деревне. А ближе к полудню он сам в магазин за хлебом зашел.

Увидев гостя в голубой летной фуражке и форме, она аж встрепенулась, а из уст чуть не слетело восхищенное: «Красавец!»

Он тоже слегка удивился, увидев ее вместо Лиды, и, поздоровавшись, спросил, назвав ее по-уличному, наполовину сократив имя и фамилию:

– ЛюБоль, ты разве школу уже закончила?

– Еще в прошлом году. Даже пробовала поступить в торгово-экономический, да не прошла по конкурсу. Буду снова пытаться.

– Как быстро летит время... А хлеб свежий?

– Вчерашний, но мягкий, – Любе вдруг захотелось, чтобы он что-нибудь еще купил. И она предложила взять вкусные и недорогие шоколадные конфеты «Столичные» с вишневым ликером.

– Хорошо, взвесь, пожалуйста, килограмм.

«Ого, наверно, сладкоежка» – подумала.

– А майонез есть? Мама оливье приготовила, а заправить нечем.

Этот востребованный хозяйками продукт в будни на прилавке не залеживается, а в праздники и подавно. Но в холодильнике хранилось несколько пачек, предусмотрительно оставленных Любой для себя. Она с удовольствием поделилась.

– Одну пачку?

– Давай две, про запас, – он улыбнулся то ли себе, то ли ей. Потом, уже расплатившись, поинтересовался:

– Не в курсе, в клубе какая-то новогодняя вечеринка будет?

– Заведующая, Жанна Аркадьевна, ты ее знаешь, приболела, но вроде елку установили в фойе, значит, как минимум хоровод состоится. А ты надолго?

– До Старого Нового года. Планировал летом приехать, чтобы вволю закупаться, позагорать, порыбачить на нашей Вилии, да командир части все переиначил. Он у нас дядька строгий, считает, что лейтенанты, кабы служба медом не казалась, должны отдыхать исключительно зимой.

– Валера, а ты что сам управляешь боевым самолетом?

Он снова улыбнулся, видимо, пошутив:

– На пару с автопилотом.

В деревне даже с космическим названием зимой тоскливо и делать абсолютно нечего. Единственная радость, поднимавшая настроение, – праздники, особенно новогодне-рождественские. Поэтому отменить народные гуляния не мог даже грипп завклубом. У наряженной елки собрался и млад, и стар, чтобы от души повеселиться, отдохнуть от повседневных забот. В центре всеобщего внимания оказались трое односельчан: в прошлом заправский колхозный кузнец, а теперь пенсионер Степан Макуха, он же Дед Мороз, его внучка Полина в роли Снегурочки и Валерка Орловский, военный летчик. В отличие от сказочных персонажей, он был настоящий, непридуманый герой, с которым запросто можно поговорить как об авиации, самолетах-вертолетах, так и окунуться в воспоминания о деревенском детстве, которое еще не ушло далеко.

Люба находилась в окружении говорливых подружек, нет-нет, да и поглядывала на Валерку, заметно окрепшего, возмужавшего. Вскоре она заметила, что и другие девчонки не сводят с него глаз.

Когда заиграла музыка и Дед Мороз пробасил, что с внучкой приглашает всех в хоровод, она постаралась оказаться как можно ближе к Орловскому. Чтобы слышать, что он говорит, видеть, как он улыбается, насколько пластичен в танце. Кажется, он тоже на какие-то секунды выделил ее из шумной толпы, еще раз поблагодарив за майонез. А потом переключился на друзей-одноклассников.

За день до его отъезда они снова вроде бы случайно встретились. Валера расчищал снег у ворот, а Люба шла с магазина домой на обед. Он первым поздоровался, полушутя заметив: мол, в отличие от некоторых девушек на обед себе еще не заработал. И уже серьезно сказал:

– У меня сегодня вечеринка намечается. Приходи – посидим, пообщаемся.

Приглашение было неожиданным: в близкий круг Валеркиных друзей она не входила, но тут, возможно, сработал фактор соседства: их родительские дома стояли в полусотне шагов один от другого.

Из девушек были еще сестры-близнецы Тамара и Лида Орешниковы, одноклассницы Орловского, и Надя Круглова с парнем, лучшим Валеркиным другом Олегом. Чуть позже подошло еще несколько ребят.

Вечеринка и впрямь получилась славной. Любе польстило, что Валерка именно ее первой пригласил на медленный танец. Когда около полуночи уже стали расходиться, она намеренно чуть задержалась, чтобы наедине вручить небольшой подарок – собственноручно вышитый носовой платочек с пожеланием счастья в Новом году.

– Ручная вышивка сейчас не в моде, но меня бабушка научила в детстве держать иголку, вышивать крестиком. Это как рисовать картины, бывает, увлечешься, и забываешь обо всем на свете. Велика сила вдохновения!

Подарок Валере понравился. Он решил сделать ответный жест, но, как назло, ничего подходящего под рукой не оказалось. Увидев на столе красивую сувенирную ручку на

элегантной, светящейся в темноте подставке, обрадовался и протянул набор ей.

– Возьми, в хозяйстве пригодится. Но учти: ручка особенная и не любит лениться, непременно захочет, чтобы ты ее быстрее использовала. Например, для написания письма своему соседу Валере.

Они вышли на улицу, под купол звездного неба. Свежий морозец приятно щекотал лицо, под ногами в ночной тишине романтично поскрипывал снег. Валера провел Любу до погрузившегося в темноту дома, в котором уже видели сны ее родители, и, пожелав «спокойной ночи», хотел было уже уходить.

– Валер, ручка спрашивает адрес, по которому ей захочется написать, – с улыбкой спросила она.

– Блин, я тебе не сказал... город Лида, воинская часть...

Он назвал пять, ничего не значащих для нее цифр, за которыми скрывалась гвардейская авиабаза, где ждал его возвращения из отпуска старина «Грач» – испытанный временем штурмовик Су-25.

Они начали переписываться, что почти сразу стало достоянием гласности. Почтальонша тетя Галя первой и разнесла новость по селу. Валера рассказывал Любе о полетах, о том, какая красивая сверху земля и каким неожиданным, разноцветным в зависимости от времени и погоды бывает небо, настоящий пятый океан, от которого дух захватывает. Писал о своей эскадрилье, что классные мужики подобрались, надежные в воздухе и на земле, живущие по принципу: один за всех и все за одного.

Люба делилась деревенскими новостями, конечно, куда менее значительными, но, как поняла, интересующими Валеру. Он еще уточнял, мальчика или девочку родила Лида Туренок, кого выбрали председателем колхоза и правда ли, что их школу из-за малого количества учеников собираются сделать базовой?

Тепло вспомнил, как зимой на лыжах преодолел 5 километров до соседних Озер: так поход за знаниями удачно

совмещался с утренней физухой, которая укрепила дух и тело перед поступлением в военное училище.

Валера написал, что ему повезло с местом службы – уютным красивым городом с женским названием и 700-летней историей.

– Мне кажется Лида с ее знаменитым замком-крепостью, хранящим много легенд и тайн, наполненным духом средневековья, тебе обязательно понравится.

Это было почти приглашение приехать в гости. Она бы, конечно, с радостью отправилась в неблизкую дорогу, напиши он лишь три желанных для каждой девушки и женщины глагола: люблю, скучаю, жду. Но в конце стояло традиционное – всего доброго, пиши.

«А чего это она себе на воображала?! Какое люблю, если они даже по-настоящему не поцеловались... Тогда ночью, под Старый Новый год, Валера на прощанье по-соседски лишь чмокнул ее на морозе в щечку. Хотя она, конечно, ждала большего. Товарищ лейтенант оказался явно негусарского роду-племени, почему-то стушевался, постеснялся проявить инициативу, посчитав ее, видимо, преждевременной, а может попросту ждал от нее какого-то знака внимания, сигнала».

Люба, к радости родителей, вечера просиживала за учебниками, усердно готовясь к поступлению в институт. Считала, что диплом о высшем образовании поможет ей лучше обустроить жизнь, которую она не собиралась проводить в сельмаге.

Глядя как постепенно спиваются, укорачивая себе век еще не старые сельские мужики, осилившие лишь ПТУ, она еще больше уверовала в свое счастье вне Венеры, которое решила искать в большом городе. Мама и папа тоже об этом не раз говорили. Реальный шанс осуществить задуманное – сдать вступительные экзамены.

И Люба Большакова преодолела этот барьер!

Вечером позвонила Валере и, едва справляясь с нахлынувшими эмоциями, пропела в трубку, что зачислена.

– Молодец, поздравляю! Я верил, что у тебя все получится.

Он неожиданно предложил:

– Ты же теперь до 1 сентября птица вольная? Приезжай в Лиду, покажу тебе город, свой самолет, посмотришь, как я живу, – услышала Люба в трубке. – Заодно и студенческий билет обмоем.

Наконец-то в жизни наступила светлая полоса, которую, казалось, уже ничто не может омрачить! Как ни представляла Люба их встречу, не угадала: на КПП воинской части, где она оказалась уже вечером, узнала, что лейтенант Орловский на полетах. Освободится ближе к одиннадцати. «Ненормированный у вас рабочий день», – заметила про себя вслух.

– Служебный, – сухо уточнил дежурный по КПП. – И самый обычный, только с плановыми полетами.

Оставив в комнате для посетителей сумку, Люба немного прогулялась по авиагородку. Чисто, уютно вокруг. У панельных домов разбиты небольшие цветочные клумбы. В некоторых квартирах уже включили свет и было видно, как хлопочут на кухне молодые хозяйки в ожидании мужей со службы. Она мысленно представила себя на месте одной из них, и от этой мысли ей сделалось приятно на душе.

Неожиданно Люба услышала где-то сверху нарастающий гул: так обычно бывает накануне сильной грозы. Но на небе ни облачка, и она быстро догадалась в чем дело, увидев невдалеке с ревом пронесшийся боевой самолет. «Интересно, а вдруг это Валерка был за штурвалом?» – мелькнула мысль.

Медленно угасал теплый летний вечер. Это был незабываемый вечер, подаривший волшебную ночь, невероятно сблизившую их, выросших по соседству, на одной улице.

Через год, в середине августа они подали заявление в ЗАГС. У нее позади был первый курс института и вся жизнь впереди, у Валеры – очередной отпуск, во время которого он и сделал Любе предложение стать его женой.

Родители молодых быстро организовали свадьбу, на которой от души погуляла вся Венера.

А через два месяца Валера погиб. Его самолет загорелся в воздухе. Руководитель полетов дал команду катапультироваться, но лейтенант Орловский ее не выполнил. Он до последней секунды пытался спасти Су-25, а когда понял, что ему это не удастся, направил пылающий самолет в сторону леса, подальше от города, который ему так нравился.

С места катастрофы передали Любе на память о муже чудом уцелевшие наручные часы «Командирские», которые остановились в момент трагедии, и собственноручно вышитый платочек с пожеланием счастья...

После того черного дня ей показалось, что на землю опустилась вечная ночь. Стоявший посередине плаца гроб, длинная очередь из однополчан, терпеливо ждущих своего часа проститься с сослуживцем, отпевание батюшки, переезд на кладбище, воинский салют, поминки в летной столовой. И снова мозаика из каменных мужских лиц с влажными глазами, и заплаканных, убитых горем, женских, – всё происходило, как в тумане, как в потустороннем мире, и будто не с ней.

«За что, Господь, мне кара небесная и муки земные, зачем дал ты мне любовь с такой жгучей, горькой, невыносимой болью?» – не стесняясь, рыдала и, по бабьи причитая, исступлённо спрашивала молодая вдова. Со стороны могло показаться, что она сошла с ума. Кто-то из женщин легонько взял Любу за плечо, прижал к себе, потом поправил ей волосы, погладил лицо, пытаясь хоть как-то отвлечь, успокоить.

– Вам надо немного отдохнуть, пойдёмте, – как сквозь из-под земли услышала она чей-то тихий голос и покорно повиновалась ему, не смея ослушаться.

На третий день после похорон она ощутила тупую, не проходящую боль внизу живота. В поликлинике Любе посоветовали сделать УЗИ.

Ультразвуковой аппарат показал, что она на 8-й неделе беременности.

– У вас будет ребенок. Слышно сердцебиение плода, у него уже почти сформированы все органы, – огорошила ее врач-диагност.

Будь жив Валера, они бы, счастливые, прыгали от радости! А сейчас она почти равнодушно выслушала новость и пожелание беречь себя, чтобы плод нормально развивался и не случился выкидыш.

Говорят, время наилучший лекарь. Люба так не считает, хотя признает за ним способность немного облегчить острую боль.

Она не смогла жить в срочно выделенной командованием однокомнатной квартире, в городе, где даже деревья и дорожки с укромными скамейками в парке, по которому они любили гулять, нагадывали ей о муже, которого больше нет. Однажды она просто разрыдалась у беседки, возле которой Валера страстно целовал ее в тот поздний вечер, когда они встретились после полетов на КПП. Влюбленные и счастливые неспешно бродили по спящему городу почти до рассвета, наслаждаясь общением друг с другом.

Тогда им казалось, что так будет бесконечно, всегда, пока они вместе. Но кто-то несправедливый, безжалостный и жестокий, видать, позавидовал их любви.

Справив сороковины по Валере, Люба засобиравшись домой, в Венеру. За ней специально приехал на «жигулях» отец, чтобы помочь перевезти вещи. Квартиру с голыми бетонными стенами она просто закрыла на ключ, твердо зная, что жить в ней никогда не будет.

Через семь месяцев Люболю благополучно родила сына. Все в деревне знали в честь кого назвала она его Валерой.

Замуж она так больше и не вышла, хотя некоторые из местных и набивались в женихи. Она вдруг поняла, что однолюбка, а жить лишь бы с кем, все равно что строить дом без фундамента, в котором априори не будет счастья, разве что его суррогат, иллюзия, видимость.

От затерявшейся в лесах и болотах Венеры до Лиды несколько сот километров. Неблизкий путь. Но душа ее всегда там, где она была счастлива. Где остался ее Валера, военный летчик, ценой своей жизни отведший беду от города.

НАДЯ, ВЕРА И МОРЕ

На второй день после возвращения с боевой операции Леша получил письмо от жены. Едва начал читать, сразу почувствовал в душе тепло согревающих слов:

«Здравствуй, мой любимый, ненаглядный Лёшечка! Пишу тебе днем, едва уложив спать нашего ненаглядного плаксивого Верунчика. Она по своему папочке тоже сильно скучает, потому и шлет особый привет (в конце письма). Как ты уехал в Афганистан, жизнь для меня, будто остановилась. Поначалу ничего не хотелось делать, ни убирать в квартире, ни готовить, ни с подругами встречаться. Хорошо, что у нас есть маленькая Вера – это такой мощный источник сил, ты даже не представляешь... Ради нее я готова все терпеть и крутиться, как белка, круглые сутки, забывая обо всем на свете (кроме тебя, любимый!).

Как ты там? Не болеешь, часто приходится бывать в горах, какая у вас обстановка? Ты так мало об этом пишешь, что я волнуюсь, переживаю. Даже сны иногда нехорошие снятся. По телевизору почти ничего не показывают, был как-то сюжет об открытии школы в Кабуле и совместной посадке деревьев нашими и афганскими солдатами. Я внимательно смотрела, даже Верочку к экрану подносила с надеждой – вдруг папу покажут. Но ты же в Баграме служишь, это далеко от Кабула? Пиши больше и чаще. С нетерпением жду твоих весточек.

Как Верунчик проснется, съедем овсяную кашку и прогуляемся на почту, чтобы сегодня ушло письмо. Заодно закажу междугородний разговор с мамой. Уже купила билеты в Крым.

Любим, ждем, целуем.

Твои Надя и Вера».

В конце наполовину тетрадного листа красовался контур детской ладошки, аккуратно обведенный шариковой ручкой. В этом письме ладошка, передававшая привет, была уже чуточку больше.

«Так незаметно и вырастет, красавица», – с грустинкой подумал Алексей.

...Пасха в этом году совпала с серединой календарной весны, хотя март и половина апреля в Беларуси выдались холодными. Народное поверье же утверждало, что в день воскресения Иисуса на землю непременно придет тепло. Похоже, не спорили с этим и метеорологи, выдав весьма благоприятный прогноз на ближайшую неделю. Надя решила в конце апреля ехать к маме, в солнечный Крым, где температура воздуха днем уже прогревается до комфортных 18-20 градусов тепла, значит, не за горами купальный сезон.

Курортный поселок Береговое она считала маленьким филиалом рая на земле, где 22 года назад ей посчастливилось родиться. Здесь она окончила школу, здесь у нее куча подруг и друзей, с которыми так хочется увидеться. А это, говорят, верный признак того, что они настоящие. Отдыхающих там всегда тьма – со всего Советского Союза. Но к народной массовке быстро привыкаешь, тем более что на приезжих «дикарях» местные неплохо зарабатывают, сдавая в аренду комнаты и целые дома.

Морская вода, теплое солнце и сухой степной климат как нельзя кстати будут для годовалой Верушки. Леша тоже так считает: во вчерашнем письме написал, чтобы собиралась к маме, не раздумывая. Он тоже туда приедет, как только дадут отпуск. Вот бы летом это случилось!

Прямой поезд Минск – Симферополь спустя полтора суток доставил их с дочкой на курортный полуостров. Будь жив папа, из-за болезни рано покинувший этот мир, то

встретил бы на своем стареньком «Москвиче», как в студенческие годы.

Мама обрадовалась, что скоро познакомится с внучкой, и по телефону сказала, что попросит дядю Юру, соседа, встретить. Его красные «Жигули» Надя сразу заметила, как только они вышли из здания вокзала.

Здесь даже воздух другой, теплый, морем, рыбой и степной ковылью пахнущий. Наверно, во многом из-за него ежегодно и едут сюда миллионы людей, чтобы отдохнуть, поправить здоровье, или как модно сейчас говорить, подзарядить внутренние батарейки. В психоэмоциональной разгрузке нуждалась и Надя. Дня не проходило, чтобы она не думала о муже: как он там, что делает сейчас, как ему спится, как выглядит, себя чувствует.

Едва увидев долгожданных гостей, мама всплакнула от радости. Объятия, жаркие поцелуи со слезами на глазах – есть ли более счастливые мгновения в жизни? Внучка приветливо улыбнулась и охотно переключалась к бабушке на ручки, с которой будто и не расставалась.

Позавтракав и немного отдохнув в саду, где буйствовали весенние краски и пьянил запах цветущих абрикосов, персиков, вишни, алычи, они вместе прогулялись к морю. До него минут двадцать неспешного хода. Благодаря такому расстоянию возведенная папой пристройка – небольшой гостевой домик, никогда в сезон не пустовал.

Сидя в коляске, Вера забавно вертела светлой головкой по сторонам, боясь пропустить что-то интересное и важное для нее. Впервые увидев бескрайнее синее море, девочка на своем языке что-то восторженно пролепетала, даже ручками замахала. Надя пожалела, что не взяла с собой фотоаппарат, которым недавно запечатлела, как дочка сделала первые шаги в жизни. Она решила фиксировать знаковые мгновения для семейного фотоальбома, хранителя бесценных, дорогих сердцу историй. Завтра обязательно сфотографирует ненаглядную Верочку у так понравившегося ей моря. Пару снимков они сразу вышлют папе Леше: пусть тоже порадуются.

Море в начале мая было еще прохладным, но на берегу уже не пустынно: вдоль песчаного берега прогуливались люди, наслаждаясь чистейшим бризом, полезными для легких ионами, а некоторые даже загорали.

Вечером прибежали школьные подружки Лена Квашнина и Тоня Селезнева: новости в поселке распространяются быстро. За чаем с вкусными мамиными пирогами отвели душу в разговорах-воспоминаниях.

В середине мая Надя открыла купальный сезон. Вода к ее удивлению оказалась прохладной, солнце прогрело лишь верхний слой, поэтому

пробыла в ней несколько минут. Но и их хватило, чтобы сбросить усталость, взбодриться. Купание, ветерок с моря, шум небольших волн, ласкавший слух, нежное южное солнышко создали благодатную картинку земного бытия, душевного покоя, в которой хотелось раствориться, остаться навсегда.

Дочке Надя разрешила босиком побегать по песочку вдоль берега, хотя она так и норовила шагнуть в воду.

Около полудня они вернулись домой, где их уже ждал вкусный обед.

– А у нас гость, первый в этом сезоне, – услышала от мамы, накрывавшей стол на террасе. – И хорошо, что мужчина. Говорят, это к удаче.

Мама верила в приметы: если, не приведи Господи, видела, как чужая черная кошка перед ней перебежала дорогу, то останавливалась и ждала, пока кто-то другой, пройдя, «очистит» путь. Либо обходила нехорошее место, сделав круг. Изучением астропрогноза, персонального гороскопа, лунного календаря начинался и заканчивался ее день.

– Молодец, что искупалась, как водичка?

– Прохладная еще. Правда, Вера?

– Плавда, – охотно согласилась дочь.

Когда они уже заканчивали обедать, из гостевой пристройки в шортах и спортивной майке вышел высокий

молодой мужчина с полотенцем на плече. Увидев Надю, поздоровался издали.

– Валера, идите к нам, чай пить. Познакомлю вас с внучкой и дочкой.

– Спасибо, Валентина Петровна, за приглашение. Но не терпится сибиряку-геологу в Черное море погрузиться.

Он все же из вежливости подошел к ним.

«Вау, вылитый Лев Лещенко, певец-красавчик, в которого влюблены, наверное, все женщины Советского Союза. Надо же как бывают похожи люди» – с изумлением подумала Надя.

– Так вы из Минска? – удивился гость. – Красивый город, и люди очень спокойные, добрые. Я срочную там служил.

– Не в Рогачевской дивизии?

– Точно, в ней! Как вы догадались?

– У меня муж там служил.

– О, значит мы однополчане с ним.

– Он офицер. Сейчас в Афганистане.

Сказав это, Надя смутилась, будто взболтнула что-то лишнее. Хотя никакой военной тайны не раскрыла. Просто незнакомому молодому человеку необязательно знать, кто ее муж и где он служит.

– А вы очень похожи...

– Я брат-близнец Лещенко. Правда, документами это не подтверждается, но «родство» написано на лице, – улыбнувшись, сказал гость.

– У вас и голос совпадает, такой же мягкий низкий баритон. Ах, кажется, бесконечно слушала бы «Соловьиную рощу», «Родительский дом», «День Победы», – разоткровенничалась мама.

Прежде чем уйти, Валера то ли в шутку, то ли всерьез заметил: дескать, пора ему из своей незаслуженной популярности извлекать дивиденды.

Вечером на террасе они пили чай уже вместе. Маленькая Вера играла рядом с говорящей куклой, которую, несмотря на Надины возражения, подарил дядя Валера. Девочка не

улавляла восторгаться новой «подружкой-говорушкой», общалась с ней, как с живой.

– А вы и вправду геолог? – любопытно спросила Надя. – Наверно, это очень романтическая профессия.

Двойник Лещенко помолчал, а потом вдруг напел популярную песню, да так тепло и душевно, что на миг показалось: перед ними не кто иной, как сам Лев Валерьянович.

Говорят, геологи романтики,
Только это, братцы, ерунда,
Вы ее попробуйте, достаньте-ка,
Догадайтесь, где она, руда...
Не просто себе бродяги,
Таежные чудаки,
Геологи – работяги,
Копатели, ходоки.

Гостю удалось произвести фурор и даже сорвать аплодисменты. Верунчик тоже радостно захлопала в ладошки, на секунды отложив в сторону куклу.

Утром Надя с дочкой и мамой собрались на пляж, а тут как раз и Валера появился на пороге. То ли специально поджидал, чтобы пойти к морю вместе, то ли так совпало.

На улице их, видимо, принимали за дружную семью в трех поколениях: мама, дочь с мужем и внука. Некоторые женщины даже оглядывались с любопытством. Неужели они всерьез думают, что это Лев Лещенко собственной персоной вальяжно прогуливается по курортному поселку?

Валера в ответ улыбался прохожим, при этом не забывал уделять внимание своим дамам. Шутил, рассказывал забавные истории из жизни геологов, и про то, как однажды заблудился в тайге и повстречался с медведем. Закапризничавшую вдруг Веру, как пушинку, подхватил руками и посадил себе на плечи, не обращая внимания на Надины возражения. А дочке восседать на дяде и сверху все обозревать явно понравилось, да так, что ни за какие

коврижки юная наездница не хотела спускаться на землю. И высадилась только на уже знакомый песчаный берег.

Дядя Валера с разбегу сиганул в морскую пучину, пока они обустроивались на пляже. Надя так не смогла бы, ей нужно подготовиться, настроиться на встречу с водой. Стоя у кромки, увидела, как солнечные лучи игриво скользят по мокрому натренированному и мускулистому телу Валеры. Ее взгляд задержался на красивой мужской фигуре на неприлично большее время. На миг даже почудилось, что это ее Лешка стоит по пояс в воде и зовет купаться.

– Иди, поплавай, – вернула ее к действительности мама. – Я за Верочкой присмотрю.

Они вдвоем незаметно отплыли метров на 40 от берега, где накат волны жестче и ветер сильнее. Надя ощутила драйв от такой непривычной для нее удаленности от берега. Валера находился рядом, было видно, что водная стихия его увлекает, захватывает, может быть, не меньше, чем многодневные скитания по любимой тайге.

– Дальше боюсь, давай возвращаться, – она не сразу заметила, что перешла на товарищеское «ты».

Он, забавы ради, скрылся под толщей воды, и вынырнул прямо

перед ее лицом, едва не коснувшись правой рукой плеча. Их взгляды впервые так близко встретились.

– Мама, смотли, какой я домик с бабушкой сделала! – показывая на песочный замок, хвалилась дочка, когда они вышли на берег.

... Что-то предчувствовала душа, не хотелось Любе в воскресенье идти на море. Да постоялец Валера уговорил: мол, чего дома сидеть в ясную погоду, и дочурка залепетала, услышав знакомое слово «хочу на мое», звук «р» пока ей не покорился.

На пляже встретила знакомую, разговорились. И не сразу заметила, что крутившаяся рядом Верочка решила замочить ножки. Но только сделала шаг, как набежавшая волна опрокинула маленькую девочку навзничь, накрыв почти с

головой. Все произошло так быстро, что Надя ничего не поняла. Увидев же после отступившей коварной волны распластанное тело дочки, Надя в паническом страхе подумала, что Верочка мертва. К счастью, когда стала тормозить, та открыла испуганные глазки. Но едва дышала.

Валера, ничего не говоря, схватил девочку и уложил ее на согнутое колено лицом вниз. Стал многократно надавливать рукой на спинку. Из рта полилась струйка воды, видимо, попавшая в легкие и трахею. Малышке стало лучше дышать, она даже улыбнулась.

Надю же по-прежнему всю трясло, будто по ней пропустили ток. Только сейчас она поняла, что из-за нелепой случайности могла потерять дочь. Теперь она всю жизнь будет это помнить, и благодарить в мыслях красавца-геолога Валеру, оказавшегося в роковую минуту рядом и не растерявшегося в отличие от нее.

– Надя, успокойтесь, пожалуйста. Все в порядке, – его голос, точно, как у Лещенко, – мягкий, объемный баритон, обволакивал, умиривал, утихомиривал.

– Это я во всем виновата! Заболталась с подружкой, – вслух и про себя повторяла почти всю дорогу. Маме, чтобы не волновать, решили ничего не говорить, так малышка сразу секрет раскрыла, пролепетав, едва увидев бабушку:

– А меня дядя Валела спас!

Вечером, как обычно, пили на террасе чай с вишневым вареньем, говорили на всякие темы за жизнь, которая в разные годы у всех по-своему и зачастую непросто складывалась. Валентина Петровна с ностальгией вспомнила молодость, выпавшую на хрущевскую оттепель, начало шестидесятых. Полетел в космос Гагарин, впервые в истории человечества! Это вызвало невиданный восторг у всех, живущих на планете, и особую гордость у советских людей: не кто-нибудь, а наш человек оказался на околоземной орбите, открыв перед наукой фантастические, безграничные перспективы.

И хоть жили бедновато, все-таки только 16 лет прошло после войны, не хватало жилья, продуктов, качественных вещей, люди все же были намного дружнее, чем сейчас, и счастливы, верили в светлое будущее, которое вот-вот настанет. И умели радоваться самому малому.

– Помню, когда ты, Надюша, родилась, так отец полгорода оббегал, чтобы купить обычные пеленки. А когда детскую коляску увидел, за которой тоже гонялся, как за зайцем на охоте, то и вовсе был на седьмом небе от счастья! – с улыбкой, как о забавном приключении рассказывала Валентина Петровна о пережитом.

Надя уже пришла в себя, с интересом, хотя и не очень внимательно слушала мамин экскурс в историю. Она гнала ниоткуда возникавшую мысль, но та, непослушная, бумерангом возвращалась при одном взгляде на Валеру. Да, он ей нравился: галантными манерами, «гагаринской» улыбкой, бархатным голосом, открытостью характера, наконец мускулистым натренированным мужским телом, которым она невольно залюбовалась на пляже.

Он так увлекательно рассказывал про последнюю экспедицию в Сибирь, про сплав по горным рекам, что ей тоже захотелось накинуть на плечо рюкзак и отправиться в дальний поход, за «туманом,

за мечтами и за запахом тайги».

Когда она как-то обмолвилась, что это, наверное, и есть обыкновенное счастье, после трудного дня оказаться в хорошей компании у вечернего костра и под звездным небом беззаботно слушать друзей, шум сосен и пение гитары, Валера заметил, что у нее романтическая натура, без которой нет геолога.

В тот теплый предпоследний вечер они засиделись в беседке за полночь. Разговор не клеился. В воздухе витала какая-то недосказанность.

– Не хочется уезжать, Надя, – тихо проронил Валера, глядя прямо ей в глаза. – Сам удивляюсь: как быстро к вам

привык. Такое впечатление, что мы знакомы много лет. Мне вас с дочкой будет не хватать там, в Сибири.

Подул теплый ветер и то ли от него, то ли скорее от услышанного по сути объяснения в любви Наде стало как-то светло и празднично на душе.

– Понимаю, вы замужем, но... нравитесь мне, Надя. Очень.

Словно во сне она ощутила на запястье нежное прикосновение его руки, наполненную мужской силой, влекущей куда-то в nirvanу, в многообещающий, но запретный для нее край чувств и наслаждений. Разум еще сопротивлялся, но эмоции, плоть предательски дрогнули, она инстинктивно медленно повиновалась им, как бумажный кораблик течению реки. Запах моря, тайги и чего-то еще неуловимого, но такого приятного, знакомого с детства ощутила Надя на своих пересохших губах. Валера жадно целовал ее лицо, шею, ощущая податливость расслабленного женского тела. Еще чуть-чуть, и окончательно падут оборонительные редуты, чего она, кажется, и сама уже желает, да что-то правильное и важное едва сдерживает от этого неудержимого вожделения окунуться с головой в омут греховной страсти.

А Валерина мягкая рука уже ловко обнажила и ласкала грудь, сосок которой неприлично возбудился в ожидании новых прикосновений...

– Надя, вы так до утра просидите! – мамин голос с веранды вмиг охладил их пыл, остановил уже запущенный сценарий неминуемого падения в пропасть.

«Господи, что я позволяю ему делать, веду себя, как шлюха!» – опомнившись, отругала себя Надя, только теперь осознавшая, что едва не изменила своему любимому лейтенанту, которому всегда была верна.

«Леша на войне, а она тут при луне развлекается с геологом, похожим на Лещенко, который, как девчонке, вскружил голову. Боже, как стыдно».

Вспомнился Валерин рассказ о заблудившихся в тайге и вывод: потеряешь тропу-ориентир, считай, пропал. Если не навсегда, то на долгие недели. Начинаящийся курортный роман как раз и уводил ее с проторенной житейской дороги в неизвестность. На пути случайно или нет встала мама, спасающая честь мужней жены.

Валера уехал через день, холодно попрощавшись. А следом пришло письмо от мужа, сообщившего долгожданную весть о своем скором приезде в отпуск.

Как вовремя! Лето только начиналось.

НЕ ОБЕЩАЙТЕ ДЕВЕ ЮНОЙ...

В 30 лет Валя Костюченко стала вдовой: у ее Толика, водителя-дальнобойщика, в дороге остановилось сердце. Слава Богу, беда случилась хоть не во время движения, а на стоянке. Он просто умер во сне. Говорят, это удел счастливых. Что привело к смерти молодого и здорового на вид мужчины, врачи толком и сами не знают. Но так как что-то надо было написать в посмертном эпикризе, то зафиксировали общее, типичное для таких случаев: к летальному исходу привело физическое переутомление, острый недостаток кровообращения и длительный спазм артерий.

...В стройного, голубоглазого Толика с обворожительной улыбкой она влюбилась с первого взгляда, как только он вместе с завучем вошел в их 9-й «А».

– Знакомьтесь, это ваш новый ученик Анатолий Костюков.

Валя сильно удивилась схожести их фамилий, образованных от одного и того же слова кость. Более того, оказалось, что новичок живет в ее микрорайоне. Верившая в народные приметы и толкования Валя посчитала это неслучайным совпадением, а неким знаком свыше.

После уроков каждый по отдельности пришел на автобусную остановку, где и выяснилось, что им обоим ехать в

одном направлении, в Серебрянку. Валя в этом микрорайоне родилась, поэтому ей знаком каждый переулок, а для Толика, недавно перебравшегося сюда с родителями по квартирному обмену, он новый, малоизвестный.

– Хочешь, покажу тебе нашу Серебрянку и места, где мы обычно с друзьями тусуемся?

– Конечно!

– Тогда встретимся у музыкального фонтана. В восемь. Уроки к этому времени сделаешь?

– Придется. Не отказываться же ради них от увлекательной экскурсии...

С той осенней прогулки по микрорайону и началась их дружба, незаметно переросшая во взаимную привязанность, симпатию, влюбленность, а затем в пылкую, настоящую любовь.

В выпускном одиннадцатом весь класс, включая учителей, знал, что Толя и Валя без пяти минут семейная пара. Но чтобы узаконить свои отношения, надо было дождаться последнего школьного звонка и совершеннолетия.

Белоснежную фату Валя надела в свой день рождения, который случайно совпал с предложенной в загсе датой регистрации брака. Решили ничего не менять, коль так сошлось.

На свадьбу, кроме родни, позвали только самых близких друзей. Устраивать пир на весь мир накладно, да и ни к чему: количество приглашенных гостей никак не влияет на чувства молодых. Если бы было иначе, то люди последние деньги отдавали бы и еще одалживали на грандиозный сабантуй. Для семейного благополучия не жалко никаких денег, но за них действительно счастье и любовь не купишь. Тут как с талантом: он либо ниспослан свыше, либо нет.

Валя верила в судьбу, как в талисман, считала, что ею почти все в жизни предопределено, надо лишь уметь распознавать и чувствовать посылаемые знаки и по их негласной подсказке поступать. Толя не спорил, не пытался ее переубедить, просто на жизнь смотрел по-мужски проще: что

человек руками сделал, что умом постиг, то и его. Мы сами своей жизни творцы, хозяева. И лишь слабые, неуверенные в себе да излишне эмоциональные люди пытаются во всем происходящем вокруг найти какой-то знак, плохой или хороший.

Их житейский путь отнюдь не был усыпан розами. Денег часто не хватало, но это не повод для размолвок, укоров и ссор. Любовь – лучший громоотвод от них и других напастей и бед, от людской зависти. Они научились жить скромно, радоваться не журавлю в небе, а синице в руках, тому, что есть. А трудности, не зря говорят, и впрямь сплывают, а тех, кто любит и любим, еще и делают сильнее.

На 2 курсе пединститута Валя родила первенца – Андрюшу, и все, что еще вчера казалось неразрешимой проблемой, вызывало беспокойство, плохое настроение, будто самоликвидировалось, растворилось в неизмеримом никакими формулами счастье – видеть, слышать, кормить, держать на руках свою ненаглядную кроху, маленького человечка, появившегося на свет. Кажется, само время с бега перешло на тихий ход, лишь бы только молодые супруги успели насладиться полной гаммой неизведанных доселе чувств, осознать себя в новом статусе родителей.

Толик как на крыльях летал, покупая для сына все необходимое, хотя комплект белья для новорожденного, кроватку и прогулочную коляску подарили счастливые бабушки и дедушка, уже конкурировавшие между собой за право подольше побыть с внуком.

Валя взяла академический отпуск на год: запустить учебу ей не хотелось, будет совмещать лекции, семинары с материнскими заботами, благо, бабушки с радостью согласились по очереди помогать.

Толя решил пойти в дальнотойщики, чтобы обеспечить жену и сына материально. Знали бы они тогда, чем это благородное мужское желание спустя несколько лет закончится...

Хотя возможно, муж подорвал здоровье еще и на стройке: вернувшись с рейса и толком не отдохнув, часто спешил в деревню, где вместе с отцом возводил деревянный дом. Очень хотелось жить в своем, пусть и сельском, жилье. Ведь семейное счастье нельзя отложить на потом или оставить на хранение в прошлом. Оно существует только в одном времени – настоящем.

Кажется, не зря люди про них говорили, что они, как две половинки одного целого, гармоничная пара. Ссориться они так и не научились за десять совместно прожитых лет, промелькнувших, как один месяц.

Иногда из-за бытовой мелочи могла возникнуть какая-то размолвка, но «дулись» они друг на друга максимум до вечера. Потом оба неизменно капитулировали, улыбками и страстными поцелуями подтверждая никуда не девшуюся любовь.

«Буду любить тебя до гроба», – однажды в сладкой истоме прошептали Толины уста, едва освободившись от ее пленительных губ. Расслабленные они лежали в постели, и Валя запомнила, как не понравилось ей последнее слово, от него будто холодом повеяло.

Как и большинству молодых семей им много чего не хватало в жизни, и одновременно с этим они чувствовали себя богатыми, счастливыми вместе. До того самого рокового рейса, когда впервые она не смогла его проводить: дорожную сумку Толя собирал сам, и впопыхах забыл положить в нее зубную щетку с пастой.

Она с помощью мамы и Толиных родителей подняла на ноги, вырастила сына. Андрей, как две капли воды, похож на отца. И рост под два метра, и походка чуть вразвалочку, обтекаемые движения и тот же голос баритон будто его. Даже улыбка такая же теплая и слегка загадочная. Однажды в задумчивости глядя на Андрея, разговаривавшего с другом по телефону, она машинально назвала его по имени мужа. Иногда Вале кажется, что это душа Толика с небес прилетает посмотреть, как они живут без него.

«Не обещайте деве юной, любви вечной на земле...» — лились с экрана щемящие душу слова.

А ведь это же про них с Толиком песня! Недопетая до конца, как и внезапно оборвавшаяся, словно нить, счастливая жизнь...

ОЛЯ И ЕЕ ВАСИЛЕК

Когда же она заметила солдатика своего? Не в тот ли майский вечер, когда у нее все валялось из рук от испорченного с утра начальником столовой прапорщиком Квасовым настроения? Что называется, на ровном месте повздорили. Ему, видите ли, захотелось в народный контроль поиграть. Начал он продукты перед закладкой в котел взвешивать. Где-то между складом и солдатской столовой «потерялись» два килограмма мяса, а она, повар, отвечай. Нет уж, дудки! Так и сказала Квасову: составляйте акт, проводите расследование, но бездоказательно подозревать ее в воровстве никому не позволит. Не наивная девочка уже, чтобы всякий «прапор» на пушку брал, лапшу на уши вешал.

Разведрота полка опоздала на ужин на полтора часа. Причина уважительная: парни только вернулись с боевого задания. Это было видно по уставшим, напряженным лицам. Ни на одном Ольга Алексеевна Рязанцева не увидела улыбки. Без лишних расспросов догадалась: в горах были потери.

Никогда не жалела той же гречки или макарон с тушенкой положить в солдатские тарелки побольше. А в этот раз особенно старалась досыта накормить каждого разведчика. По возрасту они ей, 32-летней женщине, годились в младшие братья или племянники. Поэтому и относилась к ним почти породственному. А в разведчиках и вовсе души не чаяла. Славные, настоящие ребята, по краю пропасти ходящие. И никто не знает, что их ждет завтра. Эта расхожая, с философским оттенком фраза в Афганистане приобрела

слишком буквальный, даже зловещий смысл. Разве думали вчера трое погибших парней-разведчиков, что сегодняшняя ужин станет для сослуживцев поминками по ним?

Голубоглазый худощавый солдатик стеснительно попросил добавки, и она с удовольствием положила ее в алюминиевую тарелку, пожелав приятного аппетита. А через пару дней Ольга Алексеевна вдруг увидела симпатичного парнишку с солидным синяком под глазом.

– Ой, кто это тебя так?! – непроизвольно вырвалось у нее из груди. По-женски ей было очень жаль этого солдатика, Василия Гвоздева, которого она называла не иначе как Василек.

Он морщился то ли от такого вольного обращения, то ли от боли, но, как и подобает разведчику, мужественно терпел. Сделав холодный компресс, Ольга Алексеевна велела ему вечером зайти к ней в общежитие за специальным кремом. А сама направилась к командиру роты старшему лейтенанту Дмитрию Захарову, которого немного знала. Поэтому без обиняков пошла в атаку прямо с порога:

– Что это у вас, товарищ командир, творится: свои своих избивают. Непорядок.

Молодой офицер, не ожидавший такого напора от женщины-повара, малость опешил. Фингал под глазом у подчиненного офицер заметил еще на утреннем построении, но рядовой Гвоздев заверил ротного в том, что это он сам в темноте нечаянно споткнулся и стукнулся о дверной косяк. Еще пошутил: до свадьбы, мол, заживет.

– И вы поверили этой сказочке? – возмутилась Рязанцева.

– Я привык доверять своим солдатам, – прозвучало несколько высокопарно, а потому не очень искренне.

Захарову не нравился разговор. Получалось, что он оправдывается, и перед кем – гражданским лицом, поваром. Подумаешь, выяснили отношения два его подчиненных. Обычное дело в мужском коллективе. А Гвоздев наверняка сам напросился на чей-то кулак: ершистый паренек, слишком какой-то правильный. Когда однажды после отбоя сержант

заставил его почистить обувь, тот проявил принципиальность: мол, по уставу в это время положено отдыхать. Да и на боевых выходах Гвоздев был незаметен, будто в тени находился. Не сачковал, не трусил, но и на рожон не лез, весьма осмотрительно действовал. Осторожность, рациональность, конечно, приветствуются, но разведчику, считал офицер, должна быть свойственна еще и лихая удаль, дерзость, непредсказуемость. Слабовата у Гвоздева и физуха: в горах, бывало, выбивался из последних сил, едва успевая за ротой. Случалось, получал под зад пендаля от сослуживцев – неизбежное «стимулирование», на которое не принято обижаться. Скорее для вида, чтобы быстрее закончить неприятный разговор, пообещал старший лейтенант Захаров провести дополнительное расследование. И уже через пять минут после того, как ушла Рязанцева, забыл об этом.

А спустя сутки офицер стоял навтыжку в кабинете командира дивизии. Возмущению генерала не было предела. В гневе он был похож на разъяренного тигра.

– Почему в роте процветает дедовщина?! Кем и за что столь жестоко избит солдат? Где, вашу мать, в это время были вы и командиры взводов?!

Старший лейтенант стоял как в воду опущенный, боясь лишним словом вызвать еще большее недовольство начальства.

Случившееся ночью повторное избивание Гвоздева стало для ротного полной неожиданностью. Он посчитал инцидент исчерпанным, но синяк под глазом, оказывается, был только его началом. Это, конечно, «дембеля», которых в шутку он иногда называл головорезами, поупражнялись в рукопашном бое, да так, что парень попал в реанимацию и теперь за его жизнь борются врачи. Это уже беспредел, за который в суде по всей строгости закона придется отвечать. Офицер чувствовал себя виноватым: ведь сдержки он данное поварихе обещание и проведи расследование, выяви зачинщиков первой драки, вряд ли они посмели бы вновь дать волю

рукам. А теперь командир дивизии готов его, боевого офицера, смешать с грязью.

С выговором о неполном служебном соответствии и в скверном настроении вернулся старший лейтенант Захаров в расположение роты. Теперь уже он напоминал не тигра – раненого быка на корриде, готового сокрушить всех и все вокруг. Не услышав от «дембелей» признательных показаний, Захаров неожиданно рыкнул:

«Боевая тревога! Газы!»

Тут же строй распался на десяток хаотичных движений. «Дембеля» забегали как молодые лоси. Облачившись в полную боевую экипировку и противогазы, они стали нарезать круги по пыльной дороге, опоясывавшей расположение полка. Лишь часа через два непрерывного бега по сорокаградусной жаре ротный дал отбой. Пот заливал раскрасневшиеся лица разведчиков, которым служить оставалось самое большее месяц. Этот унижительный марш-бросок на глазах у «салаг» они запомнят надолго, может, на всю жизнь.

Затем почти сразу – душевный разговор с каждым. Захаров проявил себя тонким психологом, знатоком солдатской души. И некоторые «дембеля» перестали играть в молчанку. По крупницам, отдельным сведениям к концу дня сложилась у офицера более-менее цельная картина произошедшего в роте неуставняка, получившего столь широкую огласку. Идею проучить «правильного» Гвоздева, у которого даже нашлась заступница, первым озвучил Коновалов, которого поддержали Дмитрук и Немиров. Эта тройка, накурившись трофейного чарса, и устроила прямо в палатке в полночь показательную экзекуцию с целью перевоспитать строптивного «черпака», позорящего разведку. Он попытался оказать сопротивление, за что и получил по полной программе.

Известие о повторном, еще более жестоком избиении Гвоздева, повергло Ольгу Рязанцеву в шок. Узнав, что он в реанимации, она не смогла справиться с нахлынувшими

эмоциями и по-бабьи от бессилия расплакалась. У нее не укладывалось в голове: как можно до полусмерти избивать своего же соотечественника, сверстника-однополчанина, с которым завтра идти в бой?

Опытные военные врачи спасли жизнь рядовому Гвоздеву. Через месяц его выписали из госпиталя, но в свое подразделение он уже не вернулся. Оказался в комендантской роте в хозяйственном взводе. Тут служба совсем другая, да и физические нагрузки несравнимо легче.

Столовая – один из объектов, за которым закрепили хозвзвод. Как же она обрадовалась, вновь увидев своего Василька! Вместе с несколькими солдатами, выделенными в помощь, он таскал со склада продукты, три раза в день мыл посуду, убирал столы. Когда выпадало свободное время, заходил к ней, в варочный цех, поболтать. Им было хорошо вдвоем. Вася интересовался кулинарными рецептами: ему нравилось самому готовить. Поэтому, как ребенок, радовался, когда изредка выпадала такая возможность. А однажды признался:

— Знаешь, какое любимое блюдо было у меня в детдоме? Обыкновенная яичница-глазунья. Может, потому что давали нам ее почему-то очень редко.

Так, невзначай, Ольга узнала, что нет у Васи Гвоздева на белом свете никого. Мать оставила мальчика на произвол судьбы в роддоме. Словно почувствовав себя брошенным, рос он болезненным ребенком. А мамой по очереди называл заботливых детдомовских нянь и воспитательниц.

После школы окончил ПТУ, получил специальность газоэлектросварщика. С охотой пошел в армию, в которой надеялся найти опору в жизни. После «учебки» оказался в Афганистане. И начались суровые будни в разведроте.

«Мир и впрямь тесен, коль мы, оба из Беларуси, в Афгане встретились, – удивлялась про себя Оля. – А ведь она хоть и не детдомовка, но также одинока. Ни мужа, ни детей нет. Мать пять лет назад тяжело заболела и умерла, а у отца давно уже другая семья».

– А ты, Ольга, как я погляжу, все со своим солдатиком воркуешь... Как там первое блюдо, готово? – откуда-то из-за спины пробасил прапорщик Квасов, в котором, видимо, проснулась мужская ревность.

Вася другой, кристально-чистой души человек. Он еще наивный мальчишка, по сути, только вступающий в самостоятельную жизнь. Ему еще предстоит многое узнать, в том числе и в отношениях с женщинами. Но эти уроки постигаются быстро: было бы желание.

Он даже целоваться не умеет. Вечером, перед закрытием, когда они в столовой остались совсем одни, Василек робко чмокнул ее в щечку и покраснел, как рак.

– Да ну тебя, – улыбнувшись, притворно отмахнулась от приятных приставаний ухажера Оля.

В другой раз он поцеловал ее уже в губы. Ничего больше она ему не позволяла, хотя завистливые бабы уже уложили их в постель.

С Васильком они теперь виделись каждый день. Солдатская столовая, ее работа, стала местом их встреч. От присутствия рядом любимого человека повару Ольге хотелось летать. Она боялась только одного: командирского решения о переводе рядового Гвоздева на какой-то другой участок. Впрочем, служить ему оставалось недолго – до весны. Она еще ничего не решила, как и он. Осторожно, чтобы ненароком не вспугнуть прилетевшую к ним птицу счастья, заговорили о ближайшем будущем.

– Я ведь старше тебя аж на тринадцать лет. Это много для женщины.

– Разве чувства возрастом измеряют? – возражал ей Вася и выдвигал свою теорию: мол, главное, чтобы люди нашли свою половинку, родственную душу, тогда брак будет скреплен на небесах и ему ничто не грозит.

– А тебя не смущает возможный матриархат в семье? Все-таки у меня больше житейского опыта, не заметишь, как подкаблучником станешь.

– Оля, ты мой генерал. Причем любимый. Служить тебе – одно удовольствие.

– Тогда, товарищ рядовой, слушай приказ: без опозданий прибыть сегодня на домашний ужин. По случаю моего выходного дня.

Со стороны наблюдая за этой парой, нетрудно было догадаться, что так ведут себя безмерно счастливые, по-настоящему влюбленные люди. Случайно однажды встретившиеся в огромном мире и не желающие уже расставаться.

..Оля и Василек, как и планировали, уехали в Советский Союз, в родную Беларусь вместе. Не расписанные, но уже помолвленные Афганистаном.

ПРОЗРЕНИЕ

Макрушины сыграли свадьбу осенью. А через девять месяцев Лиза, как и положено, впервые появилась в своем дворе с коляской, в которой мирно посапывал на свежем воздухе первенец – богатырь Сашка. Муж Олег в нем души не чаял. Мог ползарплаты потратить на сына: покупал красивые игрушки, детские костюмчики, обувь, фрукты, овощи. Лиза, как расчетливая хозяйка, бывало, выговаривала ему за излишние траты, старалась откладывать деньги на будущую квартиру. Финансово помогали и родители, беспроцентный кредит выделил тракторный завод. И вот настал тот долгожданный радостный день, когда они переступили порог своего уютного гнездышка. Сюда же, через год аист принес им второго сынишку, мамину копию. Назвали его Сергеем, в честь деда, отца Лизы.

В домашних хлопотах, почти полностью легших на хрупкие женские плечи, она вертелась как белка в колесе: двое маленьких детей требовали постоянного внимания и ухода. Олег с утра до вечера пропадал на заводе. А тут еще

друзья предложили подработку по выходным. Глупо было отказываться от денег, которые сами плыли в руки. А они у Олега золотые, не было в доме работы, неподвластной им. Зная это, друзья давно звали его к себе, в бригаду. За пару недель обустроив «новому белорусу» коттедж, они получали приличные деньги. Сдав очередной объект, компания отрывалась по полной программе: Олегу не очень нравились эти пьянки-гулянки, его тянуло домой, к жене и детям. Но и оставить друзей, давших ему возможность прилично зарабатывать, не мог.

В одну из таких вечеринок в ресторане и познакомился Олег со смазливой Олей. Девочка-тростиночка оказалась на удивление умной и интересной собеседницей. Олег счел своим долгом провести девушку домой. Уже возле ее подъезда он в нерешительности замялся. Удивительно, но ему не хотелось расставаться с этой симпатичной девушкой.

– Давайте еще немного погуляем, – несмело предложил Олег, боясь, что, сославшись на позднее время, Оля откажется.

– Давайте. Но только двадцать минут, не больше. А то у меня строгий папа-прокурор, вмиг в качестве наказания лишит свободы.

– Вы шутите?

– Святую правду говорю.

Прощаясь, он как мальчишка на первом свидании, робко попросил у Оли номер телефона. Семь заветных цифр он сразу же забил в память своего мобильного.

Дома Олега ждали холодный суп и недовольная жена.

– Я не понимаю, где можно до полуночи шляться? – укоризненно спросила Лиза.

– В бане с ребятами попарились, потом в кафе посидели. Отметим сдачу коттеджа, – сказал он полуправду. – Кстати, вот штука «баксов», возьми.

При виде денег Лиза сменила гнев на милость и даже суп подогрела в микроволновке.

– Как дети?

– Спят уже давно. – Это прозвучало как укор ему.

– Завтра выходной, погуляю с ними. Может, в зоопарк съездим, они ведь любят животных.

Обнимая в постели жену, в порыве страсти Олегу на мгновение вдруг почудилось, что он целует Олю, такую податливую и сладкую, как ранняя ягода.

Он позвонил ей через день, договорился о встрече вечером. После смены подъехал к институту, где училась девушка.

– Вот по папиной воле не только чту, но и зубрю скучный Уголовный кодекс, – после приветствия мило сообщила она.

– Сразу видно не только законопослушного юного гражданина, но и папину дочку, – в тон ей ответил Олег.

– Чем, сударь, порадуете бедную студентку?

– Приглашением в кафе. По-моему, в самый раз подкрепиться.

Они, не сговариваясь, выбрали столик в углу. Там стояли только два стульчика, значит, никто не помешает их общению.

С каждой новой встречей Оля все больше нравилась Олегу. Он не мог понять, как ей удастся быть такой... разной, но всегда привлекательной, интересной собеседницей. Что-то неразгаданное, неуловимое в ее облике, характере, манере поведения магнитом притягивало к себе. В свои двадцать она рассуждала на удивление здраво, как зрелая женщина, а мелодичный голосок еще и ласкал слух. Олег с удивлением обнаружил, что пленен этой девчонкой, готов часами слушать, восхищаться ее остроумием, удачной шуткой, радоваться милой улыбке. Странно, но с этой девчонкой хотелось делиться всем, пережитым за день, она умело поддерживала разговор на любую тему, будь-то спорт, политика или автомобили. Невольно сравнивая ее с женой, Олег видел, что как раз этой эрудиции, интеллектуальной утонченности, живости ума и не хватает Лизе. Да, она прекрасная хозяйка, заботливая мать, но с ней вот так запросто не поговоришь обо всем. Есть немало сфер, в которых она совершенно не разбирается и считает свою полную неосведомленность

нормальным явлением. Она равнодушна к спорту и его любимому «Спартаку», не может отличить «Фольксваген» от «Мерседеса», далека от политики.

«Неужели я, 30-летний отец семейства, как мальчишка, влюбился в студентку? – не раз спрашивал себя Олег и все больше склонялся к положительному ответу. – Но тогда получается, что с Лизой у него была лишь иллюзия любви, суррогатно-фальшивое, а не настоящее чувство. Нельзя же любить двух женщин сразу?»

От таких мыслей аж дух перехватило. Как же теперь быть? Он потянулся за очередной сигаретой, помогавшей сосредоточиться, собраться с мыслями. Пока их отношения не зашли слишком далеко (за все время знакомства Оля позволила ему лишь однажды себя страстно поцеловать), может разумнее прекратить их и забыть обо всем, как будто это был сон? Оля совсем молодая, она еще встретит своего принца, не исключено, что из своего студенческого круга. А разве он, наладчик пятого разряда со средне-специальным образованием, ей пара? У нее папа прокурор, мама известный в городе врач. Он же из простой рабочей семьи. Да и разница в возрасте десять лет. Это не двадцать, конечно, но все же...

«Интересно ты, парень, рассуждаешь, – возражал ему внутренний голос. – Мыслишь так, будто и не состоишь в законном браке, не имеешь двух сыновей трех и шести лет от роду. О них ты подумал? Их же еще вырастить, воспитать и как несмышленных птенцов на крыло поставить нужно. А что родной жене, которой еще недавно в любви объяснялся, нежные слова на ушко шептал, скажешь? Извини, мол, дорогая, прошла любовь, увяли лютики. Это же явное предательство с твоей стороны, которому нет прощения».

«Все так, не по-мужски, не по совести поступаю, против течения плыву, – подсознательно соглашался Олег и тут же, раздираемый противоречивыми чувствами, находил другие контраргументы. Жизнь одна, другой не будет, в тридцать еще не поздно исправить ошибку, пересечь в другую лодку. Ведь он не виноват, что встретил и до беспамяства полюбил Олю,

без нее и свет не мил, а прежние чувства вмиг поблекли, как высохшие на солнце краски. Значит, не настоящие они были, коль так быстро отступили, ушли в тень. Как быть, с кем посоветоваться? Не с женой же?! Но она ведь рано или поздно все узнает, так может сразу облегчить себе душу и перед ней честнее будет, сказать ей пусть горькую, но правду?»

Санька, детством завещанный друг, молча выслушав его сбивчивый монолог, только причмокнул в ответ:

– Да, брат, ты попал. Хочешь знать, как бы я на твоём месте поступил? Не знаю, честно. Это надо самому оказаться в эпицентре переживаемых тобой страстей, по уши влюбиться. Но если трезвой башкой рассудить, так скажу тебе: не спеши, Олежка, осмотрись внимательно вокруг. Говорят, время лучший лекарь и судья.

– Да не могу я ждать, оглядываясь по сторонам, как ты не поймешь! Для меня хуже пытки разрываться между семьей и Ольгой, как вору, скрывать свои чувства. Мне нужна ясность, определенность: да или нет. Вот и весь выбор.

Взяв с друга честное слово, что он будет держать язык за зубами, Олег, отягощенный неразрешимой дилеммой, побрел домой.

Жена встретила его приветливо, даже в щечку чмокнула.

– Устал? – поинтересовалась с порога. – А я твой любимый плов приготовила. На базаре гляжу, баранина продается и недорого, так я и купила.

Он и впрямь проголодался, так что рад был любой еде, а тут такой деликатес. Услышав папины шаги в коридоре, навстречу выбежал старший сын, за ним младший с игрушкой в руке. Оба, соскучившись по отцу, стали его по-детски обнимать и наперебой рассказывать каждый свое. Усадив ребят на колени, Олег невольно залюбовался ими: какие они все -таки молодцы – добрые, отзывчивые, сообразительные. И чистенькие, ухоженные, как куколочки. Это, конечно, мамина заслуга. Где-то в душе шевельнулось чувство вины перед Лизой. Она, как пчелка-трудяга, к его приходу всю домашнюю

работу переделала, в квартире порядок навела, с ребятами на улице погуляла, ужин приготовила. Прав все же сосед, недооценивает он жену. Тогда под сто граммов сказанную полушутливую фразу он воспринял с некоторой обидой, но сейчас согласился, что замечание справедливое.

– К нам завтра папа в гости приезжает, – сообщила Лиза как о чем-то само собой разумеющемся. – Ты сможешь его встретить?

«Тестя сам Бог мне послал! – чуть не сказал вслух Олег, по-своему обрадовавшийся этому известию. – Да, конечно же, он дорогого гостя с поезда встретит, тем более что тесть, как всегда, не с пустыми руками едет. В сумках сладкие гостинцы и подарки внукам, а семье дочери – солидный продовольственный запас в виде сала, мяса, яиц, подсолнечного масла, меда. Обычно этой деревенской гуманитарной помощи, как в шутку называл Олег ручную кладь, хватало им почти на полгода. Как ни посмотри, опять же денежная экономия, да и домашние продукты разве сравнить с магазинными с их биодобавками?»

– Ну, здравствуй, дорогой зятек! – прежде чем они породственному обнялись, сказал тесть.

За разговором о том, о сем и домой незаметно добрались. Тесть, раздав подарки и вволю наигравшись с внуками, прошел на кухню.

– Не меньше 50 градусов будет, – с этими словами он поставил на стол бутылку домашней самогонки. Под хрустящие маринованные огурчики и свежее сало она пошла за милую душу. За ужином Олег решил, что уже завтра раскроет свою тайну. Тесть мужик с головой, поймет и не осудит, – почему-то был уверен Олег. Он был признателен ему за все. Кооперативную квартиру помог построить, и на машину обещал денег дать. «Да, теперь уже, наверное, не даст», – машинально отметил про себя. Все равно, несмотря ни на что, тестю он всегда пожмет руку. Отца жены Олег, рано осиротевший, также считал своим. Пусть не по крови, а по духовной близости. Не было еще случая, чтобы между тестем

и зятем не то, что ссора вышла, искра недоразумения проскочила. Не у каждого родного отца с сыном такие доверительные отношения складываются, как у них. Поэтому узнав о неожиданном приезде Сергея Ивановича, Олег в душе порадовался: как он вовремя! Именно тестю доверит он свои сокровенные мысли, у него первого прощение попросит и, как обычно, будет рассчитывать на понимание. Что бы ни услышал в ответ – негодование, осуждение или обидное молчание, Сергею Ивановичу, отцу жены, он обязан рассказать все, как есть, без утайки. А там будь что будет.

– Так что у тебя, Олег, за разговор ко мне? И почему мы не можем пообщаться в квартире или секрет какой есть? – решил уточнить тесть во время перекура на балконе. Но по взволнованному виду зятя, без лишних объяснений понял, что им действительно нужно потолковать на свежем воздухе.

– Тут вот какое дело, – сказал и запнулся Олег, когда они вышли на улицу.

– Какое дело? Не уголовное, надеюсь? – то ли пошутил, то ли всерьез насторожился тесть.

– Почти, – глухо ответил зять. – По уши влюбился я в одну девушку-студентку. – Наконец-то выдал он из себя самое важное.

Молчание тестя добавило тревоги. Сергей Иванович прервал его неожиданным вопросом:

– И когда свадьба?

– Чья?

– Да не моя же, сынок. – Он впервые назвал его так и получилось естественно, не наигранно.

– Ее может и не быть вовсе. Я ведь еще ничего не решил. Стою как на распутье, перед выбором. Ваше мнение очень хочу знать...

– А зачем оно тебе? Сильно любящий человек ни в чьих советах не нуждается.

– Вы хотите сказать, что чувства мои поверхностны и потому сомнительны, как и само поведение...

– Послушай, Олег, что я тебе скажу, а как поступить, сам решишь. Вы с Лизой только семь лет вместе, а я со своей женой, твоей тещей, Антониной Тимофеевной, уже четверть века по жизни рука об руку иду. Так вот был и у нас семейный кризис. Лиза малая была, чуть старше твоих детей. Так вот появилась у меня любовница в райцентре, ну, какой мужик по этой части не грешен? Огонь-женщина! И все при ней: стройные ножки, точеная фигурка, личико – настоящее произведение искусства. А пела как здорово, заслушаешься. Я пожалел, что раньше, до женитьбы ее не встретил. Что ты думаешь? Собрал вещички, взял самое необходимое, повинулся, конечно, перед женой, к тому времени все уже от людей узнавшей, и ушел к любовнице в город. Что творилось на душе, лучше не спрашивай. Но и вернуться назад уже не мог.

Глаза у тестя слегка заблестели, видать, пережитое и спустя годы вспоминать ему нелегко. Он вновь закурил.

– Да, так вот. Кончился наш с Зоей, так звали ту красивую женщину, медовый месяц. Прозрел я, слепой котенок, когда увидел, какая с нее никудышная хозяйка. Не умеющая и не любящая готовить. У нее, видите ли, нет вдохновения. А разве оно требуется для того, чтобы суп сварить? А какая она эгоистка страшная, я даже не догадывался. О своей ненаглядной красоте только и заботилась с утра до вечера. А что у мужика рубашка давно не стирана и на плите один борщ и тот вторые сутки прокисает, это не важно. Да и в постели охладели мы друг к другу, куда только тот огонь подевался. Короче, снова собрал я вещички, хлопнул дверью и как приبلудный пес в родную хату к своей Тонечке поплелся. Встал перед ней, как перед иконой в церкви, на колени и попросил прощения. При этом поклялся, что никогда больше ее не оставлю и не брошу.

– Простила?

– Ты же видишь, душа в душу живем. Открою тебе, зятек, еще один маленький секрет. По осени, когда будет двадцать пятая годовщина нашей свадьбы, собираемся с матерью

повенчаться. Как думаешь, не засмеют люди? У нас в деревне это как-то не принято.

Уехал тесть, а история, рассказанная им, запала в душу Олегу.

...На отделке коттеджа в Заславле для очередного «бедного» белоруса Олег неловко оступился и упал с крыши на землю. Повезло еще, что внизу ничего, кроме досок, не было. Они немного смягчили удар, но сгруппироваться не успел и правым боком так ударился, что аж в глазах потемнело. Когда пришел в себя, ощутил резкую боль в плече и спине. Пришлось вызывать «скорую». В больнице, сделав рентгеновский снимок, констатировали перелом двух ребер и руки.

Уже через час его Лиза примчалась в больницу. Когда он увидел ее на пороге палаты, к горлу подступил комок.

– Тебе больно, милый? Что случилось? – не стесняясь посторонних, она прижалась к его небритой щеке, и он услышал, как под кофточкой тревожно бьется, готовое выпрыгнуть наружу, сердце.

– Мне позвонил кто-то из твоих друзей и, ничего толком не объяснив, сказал, что тебя увезла «скорая». Я не знала, что и думать.

... Оля, которой он по мобильному телефону сообщил о случившемся, в больнице так и не появилась. То у нее семинар с зачетом, то важная лекция на правовую тему, которую нельзя пропустить, то культпоход с группой в театр. Несмотря на закравшуюся в душу обиду, Олегу все равно хотелось ее увидеть. Что-то незримое по-прежнему тянуло к ней, хотя и не так уже сильно. Выписавшись из больницы, с гипсом на руке, поколебавшись, все же сел в троллейбус, который шел к ее институту. Было уже послеобеденное время, он знал, что скоро она должна появиться здесь, у каштановой аллеи. Подождав немного, Олег в хлынувшей навстречу толпе увидел беззаботно смеющуюся Олю, идущую под руку с каким-то парнем, наверное, студентом. Они хорошо

смотрелись вместе – молодые, веселые и им в те минуты никто, кажется, не был нужен.

Олег хотел было выйти из тени каштанов, окликнуть ее, но в последний момент что-то его остановило. Он, словно прозрел, резко развернулся и зашагал в обратную сторону, к станции метро. Олег спешил домой, к любимой жене и детям.

ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА...

Это же сколько лет прошло с тех пор, как умерла мама, а Тамара во снах и наяву все видит ее живой, одиноко стоящей у калитки Дома престарелых с невинной, как у детей, улыбкой на устах. Ее взгляд – долгий, провожающий, всепрощающий, словно пытается соединить навсегда оборвавшуюся незримую родственную нить с самым, казалось бы, близким и дорогим на свете человеком – дочерью.

Такси увозило Тамару все дальше и, оглянувшись напоследок, она не смогла сдержать слез. Час назад, под роспись, как какую-то материальную ценность, она сдала в Дом престарелых свою неизлечимо больную мать, месяцы которой, как сказали врачи, сочтены.

Почему она так поступила? Неужели не было другого выхода?

До 70 лет, пока чувствовала себя более-менее сносно, мама жила в родной деревне, где ей каждая тропинка, каждый кустик был знаком и мил. Держала небольшое хозяйство: петуха Петю, хулигана и забияку, до того обнаглевшего, что уже не только кота Ваську заклевал, но и хозяйку однажды со спины атаковал, за что был посажен под замок и на голодный паёк. Кормила еще трех курочек да непородистого Дружка, верного многолетнего охранника двора. Раньше, когда был жив хозяин, держали и коровку, ежедневно радовавшую свежим молочком, из которого получалась вкусная сметана. В хлеву рядом с ней стояла

лошадь, вечная труженица, а в саду «прописалась» псека, щедрая на мед. Пчелам там был рай, особенно в мае, когда цвели деревья. Куда только все подевалось, как и незаметно сбежавшее с годами здоровье? Благо, хоть детей – сына и дочку успели до этой дурацкой перестройки бесплатно выучить, а то где бы они, потомственные крестьяне, тех долларов американских с мужем набрали.

Когда не стало хозяина, сахарный диабет с ревматизмом в могилу раньше отведенного Богом срока свели, Вера Трофимовна потужила несколько дней в опустевшей, ставшей вдруг такой просторной хате, сразу после войны собственноручно срубленной ее Павлом, да и по-христиански смирилась с потерей кормильца.

На годовщину смерти приехали в Березовку из Минска помянуть отца дети. Сын Петя с семьей на машине и Тома с ними. Не сложилась у дочки личная жизнь: муж попался никудышный, беспробудно пьет, бывает, под горячую руку и поколачивает бедную. Она, видимо, смирилась уже, жалеет его, дурака несусветного, говорит, что без нее он совсем пропадет. «А по мне так туда ему и дорога, окаянному», – не раз мысленно и вслух при Тамаре чихвостила своего непутевого зятя мать. Она, конечно, по-своему права, давно надо было развестись и, не боясь худой молвы, начать новую жизнь. В сорок пять еще не поздно, но она с удивительным даже для женщины терпением, от одного запоя к другому, все надеялась, что сдержит муж слово, возьмется за ум. Ведь за такого горе-отца уже и детям стыдно...

А сколько денег на докторов, дипломированных и народных, из семейного кошелька ушло: никакое лечение не помогло, даже хваленое кодирование. Денег, в сущности, не жалко, лишь бы толк был. А так все коту под хвост: и трудовые рубли, и потраченное время, и нервы. Допился муженек до белой горячки, от которой зимой и скончался, хорошо хоть в больнице, а не под забором. Проводить на кладбище, в последний путь пришли одни собутыльники, да бездомный

пес приплелся, которого умерший по доброте душевной частенько хлебом подкармливал.

А примерно через полгода Веру Трофимовну инсульт ударил. Врачи говорят, что не надо было ей в самый солнцепек огород полоть. Оно верно, конечно, но не могла она безучастно смотреть на огород, зараставший бурьяном. Когда там еще дочка или невестка из Минска приедут, вот и взяла в руки привычную сапку. Думала, полчаса поработает, да, как в молодые годы, на свою беду увлеклась.

Собрались сын и дочка на семейный совет: кому мать к себе забирать? Тамара не успела и слова сказать, как жена брата свои пять копеек вставила: мы, мол, ничего не имеем против Веры Трофимовны, но у нас стесненные жилищные условия. Да и сын-взрослый, не сегодня, так завтра женится, в дом жену приведет. Тамара ждала, что в разговор вмешается брат, но он отмолчался. По всему выходило, что доглядывать маму будет она.

Про свои «хоромы» – двухкомнатную «хрущевку» в Чижовке Тома даже не заикнулась: все ведь и так знают. У Петра, пусть небольшая, но все же трехкомнатная. А у нее еще дочь с мужем проживают и маленький сын, ее ненаглядный внучок Димка. Ладно, как говорится, в тесноте да не в обиде, найдется и для мамы уголок. Единственное, о чем она брата попросила, мать не забывать навещать.

Поставили столичные врачи, низкий поклон им, Веру Трофимовну на ноги, к счастью, худшие опасения не подтвердились. А когда весеннее солнышко чуть пригрело, засобиралась она в свою Березовку.

– Мне уже лучше стало, ты же видишь, доченька. Пусть и с палочкой, но сама хожу. А дома, на свежем воздухе и вовсе поправлюсь. Здесь же, в шумном городе голова болит и будто задыхаюсь, – приводила мать аргументы в пользу возвращения домой. И уговорила-таки! В выходные Петя отвез ее в родную хату. Едва ступив на свое подворье, мать заплакала от радости.

Все лето на выходные, набив сумки продуктами, Тамара маршруткой уезжала к маме. Первым делом бралась за уборку, стирку, потом уже еду на несколько дней готовила. Возвращаясь в Минск, оставляла продуктов про запас и немного денег.

А в начале сентября случилась та страшная трагедия. О ней среди ночи по телефону сосед из Березовки сообщил:

– Тамара, срочно приезжай, ваш дом полыхает. Жива ли мать, даже не знаю пока.

Как током ударило то известие, на несколько секунд парализовавшее ее мысли и волю. Дрожащими пальцами набрала номер телефона брата. В душе Бога молила, чтобы аппарат не оказался отключен, и Петя услышал звонок. Через минуты три, сонный и злой, что его разбудили, он наконец-то нехотя ответил. А спустя полчаса они уже мчались по Могилевской трассе на родину, гонимые предчувствием большой беды.

Вера Трофимовна чудом осталась жива. Ее, лежавшую у веранды в полубессознательном состоянии, отнесли от огня подальше сбежавшиеся на пожар соседи. А вот деревянный дом спасти не удалось, сгорел до основания. Выяснилось, что беда случилась из-за забывчивости хозяйки. Ложась спать, она не выключила газовую конфорку на плите. Проснувшись среди ночи, засобиравшись во двор, в туалет. Уже в веранде, где, как назло, перегорела лампочка, Вера Трофимовна, видимо, в поисках обуви, чиркнула спичкой и, прогремел взрыв. Ее выбросило на улицу, а огонь, охвативший веранду, перекинулся на всю хату...

После случившегося окончательно стало ясно, что мать одну нельзя оставлять и на минуту, не то, что на все лето. И Тамара вновь забрала ее к себе.

У Веры Трофимовны совсем стало плохо с памятью. Казалось, что временами ее покидает рассудок. Она со слезами стала просить отвезти ее в Березовку, на родное подворье. Когда ей объясняли, что от хаты осталось одно пепелище, она, соглашаясь, кивала головой, а потом снова

просилась домой. Врачи в этот раз лишь беспомощно разводили руками:

– Что вы хотите, возрастной атеросклероз. К тому же был инсульт, потом пожар. Такие потрясения и для здорового организма бесследно не проходят, а тут 75-летний больной человек. Так что готовьтесь к худшему.

И точно, оставшееся здоровье мамы таяло у Тамары и ее домочадцев на глазах. Она уже перестала узнавать их, ей постоянно мерещились какие-то страхи, кошмарные видения, Вера Трофимовна потеряла покой и сон. Стала заговариваться, нести всякую ересь. И Тамаре, разрывавшейся между домом и работой, ничего не оставалось, как положить мать в психиатрическую больницу. Но лечение там мало помогло, успокоительными уколами удалось лишь на время вернуть сон. Но они же, уколы, как потом выяснится, посадили и без того слабое сердце мамы.

Совместное проживание в двухкомнатной квартире превратилось в кошмар. Вера Трофимовна могла всю ночь не сомкнуть глаз, беспричинно плакать, звать на помощь. Она панически стала бояться темноты, поэтому Тамара, валившаяся с ног от усталости, и при включенном свете быстро забывалась в беспокойном сне, который мог прерваться в любую минуту.

Уходя на работу, Тамара молилась Богу, чтобы в их отсутствие мать не сделала с собой что-нибудь. Она с глаз подальше убирала ножи, лезвия и другие острые предметы, накрепко закрывала балконную дверь. И все равно неясная тревога и беспокойство не покидали ее до возвращения домой. Устав от такой жизни, дочь с зятем съехали на частную квартиру. А куда могла деться от своей беды – больной родной матери – Тамара? Похоже, ей судьбой предначертано до конца нести тяжкий крест.

Однажды, вернувшись с работы, она со страхом переступила порог открытой настежь квартиры. Матери дома не было. Где ее искать, что случилось – одному Богу известно. В милиции нехотя приняли заявление, посоветовав обзвонить

родственников и знакомых. А какие у всей жизни прожившей в деревне женщины могут быть знакомые в городе?

Соседка сказала, что видела какую-то странную старушку в домашнем халате и в тапочках у автобусной остановки. Это известие и натолкнуло Тамару на мысль о том, что мать решила вернуться в Березовку. Но плохо одетая, почти потерявшая память, она вряд ли туда доедет.

– О, Господи, за что мне такое наказание! – эти горькие слова сами вырвались из груди одновременно с выступившими на глазах слезами. Она судорожно набрала номер мобильного телефона брата, но тот, как заметила в последнее время, вновь был для нее недоступен. Где же искать мать в двухмиллионном городе? Ведь человек не иголка в стогу сена, чтобы раз и навсегда потеряться, наверняка, кто-то еще, кроме соседки, обратил внимание на неадекватное поведение пожилой женщины, к тому же плохо одетой? А время не шло, а по-спринтерски бежало: густая ночная мгла непрошеной гостьей уже заглядывала в окно. Вдруг в нем на какой-то миг почудился Тамаре родной мамин облик. Она от неожиданности даже присела на стул, но вскоре поняла, что это был мираж.

Обойдя с дочерью и зятем всю Чижовку и опросив, наверное, с сотню людей, они к утру так ничего и не узнали. В милиции сухо ответили, что ищут, но пока безрезультатно. На всякий случай в Березовку съездил брат Тамары, но, пробыв там почти целый день, вернулся ни с чем.

Мать нашлась лишь в конце вторых суток. В двадцати километрах от Минска обнаружил ее, грязную и дрожавшую от холода, как раз вышедшую из леса на проселочную дорогу, случайный водитель грузовика. Он быстро сообразил, что к чему и не стал больше ни о чем расспрашивать странную попутчицу. Усадив в кабину, напоил чаем, угостил бутербродами. Затем отвез в районный отдел милиции, где были уже оповещены о пропавшей старушке. Вера Трофимовна, как ни в чем не бывало, призналась дочери, что действительно направлялась в Березовку, потому что к себе,

на могилу ее позвал покойный муж. Он так и сказал: «Забывать ты меня стала, Вера, как в город переселилась. Приедь хоть на часок, а то очень скучаю по тебе». Да дорогу плохо запомнила, вот и сбилась с пути.

После того происшествия и стала Тамара подумывать о Доме престарелых. Как ни противна и постыдна была сама мысль об этом, но она не видела другого выхода. Бросить работу и все время находиться при больной матери? Это был бы лучший вариант, но на что жить тогда? Скромной маминой пенсии им не хватит, да и семье дочери хотелось бы помочь, пока еще сама при здоровье. Сказала о своем плане брату, в душе надеясь, что он что-то придумает, а услышала холодно-равнодушное: поступай, как знаешь...

Через хорошего знакомого, разумеется, щедро отблагодарив его, устроила Тома свою мать в Дом престарелых. Трудно ей дался этот шаг, она тянула с ним до последнего, понимая, что по закону, да и по совести не имела права так недостойно поступать. Но что ей оставалось? Ничего не предпринимать – означало почти то же самое, жить как на пороховой бочке, с ощущением новой беды или трагедии. А там, пусть и чужими людьми, но все-таки присмотрена будет мать. А она уже и заработанных денег не пожалеет для того, чтобы ей там сытно и не совсем одиноко было.

Моральные нотации читать, к совести взывать оно, конечно, всегда легче, когда тебя напрямую ничего не касается. А поставь в эпицентр беды себя, и неизвестно еще сможешь ли в полной мере соответствовать провозглашаемым нравственным принципам. Жизнь однозначно сложнее и истиннее самых лучших догм и правил.

Собирая мать в казенный дом, Тамара тешила себя слабой надеждой, что со временем у нее что-то изменится, как-то наладится жизнь, и она непременно заберет маму домой.

Кто знает, может, так оно и случилось бы, но через месяц Вера Трофимовна умерла. Как сказали врачи, не выдержало

сердце. То ли очередной дозы успокоительных средств, то ли разлуки с дочерью.

«СДАЕТСЯ КВАРТИРА С... ЖЕНИХОМ»

Такое необычное объявление в интернете увидела студентка 4 курса мединститута Зоя Кислицына и улыбнулась креативному мышлению человека, его давшего. Чтобы привлечь внимание, в развернутом описании обычно указывают все существующие и мнимые преимущества: тихий центр, рядом метро, магазины, большая жилплощадь, хорошая звукоизоляция, солнечная сторона, отзывчивые соседи и прочее. А тут всего три слова в необычном сочетании (ладно бы речь шла о мебели!) и номер телефона.

Зоя подумывала о переезде из шумной общаги в отдельную квартиру, где намного комфортнее жить и готовиться к сессии, но просмотренные варианты не устраивали в основном из-за дороговизны. И все же девушка не теряла надежды найти скромную квартирку на окраине города за разумные деньги.

На второй день, вспомнив о необычном объявлении, скорее из любопытства Зоя набрала указанный номер. Ответила женщина, ровным спокойным голосом подтвердившая, что это не розыгрыш, она действительно хочет сдать свою трехкомнатную квартиру рядом со станцией метро Уручье в долгосрочную аренду вместе со своим взрослым сыном. Причем, весьма недорого.

Озвученная сумма приятно удивила небогатую студентку Зою настолько, что она захотела приехать и посмотреть жилье тотчас.

Металлическую дверь открыла светловолосая стройная женщина лет пятидесяти.

– Пожалуйста, проходите, – вежливо пригласила, смерив гостью быстрым оценивающим взглядом.

Интерьер апартаментов с шикарной мебелью, натяжным потолком с новомодными светильниками впечатлил.

– Та у вас тут царские палаты! Я правильно поняла, проживание здесь мне обойдется в сто долларов в месяц?

– Да.

– Я согласна.

– Но вы не одни здесь будете, – вежливо напомнила хозяйка о прописанном в квартире сыне. – Подождите немного, он скоро вернется из магазина, познакомитесь.

Установилась неловкая пауза.

– Людмила Викторовна, – представилась женщина, улыбнувшись. – Вы не подумайте ничего такого. В объявлении есть, конечно, доля шутки. Просто Эдик особенный мальчик. Он с трудом появился на свет, две недели находился между жизнью и смертью в реанимации... Я уже было смирилась с приговором врачей, но Бог услышал мои молитвы, мой мальчик на 14-й день задышал самостоятельно, без аппарата.

Материнские глаза повлажнили: ей по-прежнему трудно даются такие воспоминания.

Из дальнейшего рассказа Зоя узнала, что мама Эдика после смерти мужа поднимала его на ноги одна. Он ни в чем не нуждался, первый в классе стал обладателем навороченного компьютера. Не знала тогда, какую мину замедленного действия подарила. Мальчишка быстро подсел на виртуальные игры, как наркоман на иглу: дошло до того, что уроки совсем забросил.

– И слезно просила, и наказывала, и запрещала к компьютеру подходить, и к психологу водила, – если и помогало, то ненадолго, – кажется, клубок воспоминаний продолжал распутываться сам по себе. – После школы куда не захотел поступать, так с тех пор и сидит дома у меня на шее. С утра до ночи в компьютере, в своих дурацких играх, – всхлипнув, закончила грустный монолог хозяйка квартиры.

Щелкнул дверной замок и на пороге обозначился высокорослый, худощавый парень с пакетом продуктов. Бросил беглый взгляд на незнакомую девушку, потом

вопросительно посмотрел на маму. Не сказав и слова, прошел на кухню, а оттуда тенью прошмыгнул к себе. Фразу Людмилы Викторовны о том, что девушка-студентка будет снимать у них комнату, Эдик услышал вдогонку. И никак не прореагировал. И даже потом не вышел, чтобы познакомиться.

«Вот видите какой он... замкнутый в себе. Вырастила себе на старость эгоиста, – в очередной раз вздохнув, печально, слегка извиняющимся тоном молвила женщина. – Вы на него тоже не обращайте внимания. Живите сами по себе. Давайте я вам покажу вашу комнату».

Зоя призадумалась: насколько комфортно ей будет на съемном жилье с этим чудаковатым парнем? Может, поискать другую квартиру, пусть менее комфортную и просторную, но без такого вот странного «приданого»?

О ее сомнениях, видимо, догадалась хозяйка.

– Давайте сделаем так. Вы поживите первое время бесплатно, если не понравится – съедете. Я в деньгах не нуждаюсь, у меня есть неплохой бизнес.

В будни Зоя находилась в институте на лекциях, семинарах-тренингах, лишь вечером, немного уставшая, возвращалась в съемные апартаменты – 20-метровую, обставленную дорогой мебелью комнату. По сути, для того чтобы только переночевать до утра. В выходные встречалась в городе с подругами, с которыми, если была хорошая погода, гуляли по парку, «тусили» в кафе или ходили в любимую «Юлу» на молодежные дискотеки. Так что с нелюбимым сыном хозяйки они за неделю встретились с глазу на глаз лишь однажды, когда, проснувшись в воскресный полдень, оба захотели выпить кофе.

– Привет, – вяло выдавил из себя Эдик, вальяжно войдя на кухню.

Зоя ответила куда дружелюбнее и даже улыбнулась, надеясь, пообщаться. Но парень, быстро приготовив кофе в машине, молча удалился с ним к своему компу.

«Лунатик какой-то не от мира сего, – с сожалением подумала. – Трудно ему будет в жизни».

Еще через неделю она сказала Людмиле Викторовне, что остается и оплатила последующий месяц проживания сто долларовой купюрой.

Успешно сдав сессию, Зоя до конца лета уехала домой, в древний Полоцк. Как же она соскучилась по тихим извилистым улочкам, уютным скверам и добрым людям любимого города с более чем тысячелетней историей! Колыбель белорусской государственности не умеет стареть и даже в плохую погоду остается привлекательной, чистой, молодой. В первую очередь для своих, коренных жителей, или на время уехавших, но душой оставшихся в городе.

Насладившись общением с родителями, школьными друзьями и всласть выславшись, отдохнувшая Зоя в конце августа с отличным настроением вернулась в столицу.

Эдик, как обычно, играл в танки, судя по доносившейся из комнаты канонаде боя. Зная, что он не любит и даже срывается на истерический крик, когда мама в такие минуты отвлекает его, решила не беспокоить фанатичного геймера. Поэтому о ее возвращении он узнал ближе к полуночи, когда наконец вышел из боя и из своей «берлоги». Но к полоцким гостинцам, специально оставленным на кухне для него, даже не притронулся.

Проснувшись под утро, Зоя услышала странный хрип, доносившийся из-за приоткрытой соседней двери. Сонная заглянула туда и обомлела от увиденного: на полу, раскинув руки, в полубессознательном состоянии лежал Эдик. Он плохо дышал, как рыба, выброшенная волной на берег, жадно глотал воздух, из уголков рта струилась слюна, а из носа выступила кровь.

Она не на шутку испугалась, подумав, что у парня приступ эпилепсии или чего-то еще и он уже при смерти. Чуть совладав с эмоциями, на автомате вспомнила как профессор Серебрянский на практическом занятии учил их оказывать первую помощь в экстренных случаях. А это как раз такой случай, когда для спасения пациента важна каждая секунда и

каждое действие имеет значение, поэтому оно должно быть точным, выверенным.

Еще не понимая, что привело к обмороку, Зоя аккуратно приподняла голову парня, нащупала пальцем сонную артерию: пульс был слабым. Затем, чтобы обеспечить приток крови к голове, под ноги подложила вещи, находившиеся под рукой. Расстегнула ворот рубашки, настежь открыла окно, так как в комнате не хватало свежего воздуха и сбегала в свою комнату за аптечкой с нашатырем. Смочив им ватку, поднесла к носу: Эдик тут же очнулся, открыл глаза. Зоя с облегчением вздохнула.

От вызова скорой он наотрез отказался. Сказал, что уже лучше, просто поспит и наберется сил. Она все же позвонила и рассказала об инциденте Людмиле Викторовне, приехавшей через полчаса. Взволнованная не на шутку, со слезами на глазах... Как же она все-таки любит и переживает за своего непутевого сына! Зря только она нравоучениями занимается. Попытка прочитать очередную мораль о вреде бессонных ночей у компьютера привела к тому что Эдуард хлопнул дверью и снова стал недоступным. Поведение типичного интроверта, человека, заикленного на собственном внутреннем мире.

Хозяйка квартиры появлялась через день, приносила еду сыну и непременно спрашивала о здоровье. Правда, такую мамину заботу он не ценил, будто стеснялся ее, а на все расспросы отвечал, что уже здоров. А вот с Зоей он начал нормально разговаривать, даже как-то предложил вместе новую «стрелялку» опробовать. Она согласилась без какого-либо интереса, лишь бы не прервалась ниточка общения.

Увидев, что игры ее совсем не увлекают, в следующей вечер предложил вместе прогуляться по расположенному неподалеку лиственно-хвойному молодому скверу, главной достопримечательностью которого был небольшой зарыбленный водоем с перекинутым через него симпатичным горбатым мостиком и поселившимися там дикими утками. Впрочем, прикормленные людьми и Эдиком с Зоей, они уже

наполовину стали домашними, и, движимые инстинктом голода, из-за лакомого кусочка снеди, не боясь, покидали безопасную водную гавань и выходили на берег.

Узнав о променаде, довольная мама Эдика сильно удивилась.

– Не пойму, как тебе, Зоя, только удалось оторвать этого «домовика» от компьютера, да еще и на улицу вытянуть? – И, озорно подмигнув, предположила:

– Наверняка, тут без всемогущих женских чар не обошлось...

А у них и впрямь наладилось нормальное общение после того утреннего ЧП. Вот уж и вправду: нет худа без добра.

Незаметно в золоте листья затерялась осень и на горизонте замаячил Новый год.

Эдик предложил его встретить вместе. В Минске.

– А в твой Полоцк съездим на Старый Новый год. Идет?

Больше всех таким планам сына порадовалась...мама. Ее женское сердце первым почувствовало, что это к добру, любви и счастью.

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

Николай Васильевич Козлов к 40 годам так и не обзавелся семьей. Пока жива была мама, то на ее неизменный вопрос «когда ты уже женишься?» полушутя загадочной скороговоркой отвечал: «Как только – так сразу».

Что это означало, поди догадайся. Последние три года уже никто не спрашивает: на Троицу схоронил он больную мать.

Закадычные друзья все давно женаты, некоторые по второму-третьему разу, а несколько однокурсниц по институту успели уже даже бабушками стать.

«Старый, неисправимый, вечный холостяк» – это все о нем, главбухе завода железобетонных изделий или для

краткости ЖБИ. Трудовой коллектив у них сложился сродни выпускаемой продукции крепкий, спаянный, как любит говорить районный идеолог, и преимущественно мужской. Что с одной стороны хорошо – мужики за спиной не шушукуются, не сплетничают, один другого не обсуждают, как бабы, а с другой не очень. Женский уют, тепло, забота никому не помешали бы. Хотя Николаю Васильевичу вроде как грех жаловаться: все сотрудницы бухгалтерии – женщины, причем замужние. Но амур исключен. Дамы строгих нравов, если и влюбляются, то исключительно в финансовый отчет года. Это главный документ, в котором все до последней цифры, а не только дебет с кредитом, должны сходиться.

Николай Васильевич утром с удовольствием идет на работу. Его душой тянет на завод и отнюдь не производственная атмосфера, а как раз женская. За возможность пожить в ней 7- 8 часов сам готов приплачивать... Иной раз он ощущает себя таким благоухающим нарциссом в оранжерее, за которым внимательно наблюдают, старательно ухаживают, лелеют.

А до чего же мелодичны женские голоса! Они то переливаются в разной тональности, как птичьи трели по весне, то внезапно умолкают, чтобы снова овладеть пространством и ласкать твой нежный слух не хуже листопада или горного ручья.

– Доброе утро, Николай Васильевич! – ангельскими голосочками дружно приветствуют его сотрудницы. Все нужные бумаги уже на столе, а в чашке дымитесь свежесваренный зеленый чай с лимоном.

Дверь кабинета он обычно оставлял открытой, показывая тем, что у него нет каких-то секретов, они одна команда. Да и удобно так работать: всегда можно что-то уточнить, не вставая из-за стола.

В понедельник около полудня позвонила секретарша и пригласила к директору. Николай Васильевич взял папку для доклада и направился к выходу. Уже на пороге приемной,

вспомнил, что документ о финансовых платежах за последнюю неделю остался в столе. Пришлось вернуться.

– Говорят, директор недоволен нашим «козликом», не случайно на ковер вызвал, – услышал он на пороге бухгалтерии звонкий голос Тамары.

– Слышала, что он хочет свою любовницу, Таньку с экономического отдела, главбухом сделать, – низким голосом контрольно вторила ей Маргарита. – Не хотелось бы таких кадровых перемен. Лучше уж витающий в облаках старый холостяк, чем эта прокуренная прошмандовка с пышной грудью и куриными мозгами.

Все засмеялись, кроме Николая Васильевича, памятником, застывшим у неплотно закрытой двери. Он впервые оказался в незавидной роли подслушивающего и ничего не мог с собой поделать.

– Интересно, девки, почему он ни разу не был женат? «Козлик» что импотент, у него не стоит? – от неожиданного предположения прыснула со смеху черноглазая Лидка, мать троих детей.

– Сорокалетний девственник – это приговор мужику, – змеей прошипела в углу Болеславовна, уже вступившая в предпенсионную пору.

Он специально закашлял, прежде чем войти. Ни на кого не глядя и ничего не говоря быстро прошел к столу, взял в верхнем ящике нужную справку и так же отстраненно в полной тишине вышел.

Николай Васильевич пробыл у директора всего несколько минут: тот спешил в райисполком и взял документы с собой. Вернувшись на рабочее место, главный бухгалтер впервые за долгие годы закрыл за собой дверь кабинета. Он никого не хотел видеть и слышать.

Больше всего его мужское самолюбие задело не обидное, от фамилии образованное прозвище «Козлик», а вот это иностранное словечко импотент, произнесенное со смехом и издевкой. Как можно вот так бесцеремонно, без стыда и

совести, за глаза обсуждать чужую, не совсем удавшуюся, личную жизнь?!

А не женился он потому, что никого не смог больше полюбить так, как любил свою Юлю из 11 «Б». На проводах после жарких поцелуев она поклялась, что дождетя его возвращения из армии, а через полгода вышла замуж. Николай когда из маминого письма узнал об этом, в эмоциях едва не свел счеты с жизнью. Потенциальную смерть – заряженный автомат Калашникова в ту бессонно-тревожную ночь на плече носил, находясь на посту. И только любовь к маме, мысли о ней не позволили нажать на спусковой крючок и произвести роковой выстрел.

...Утром Николай Васильевич проснулся разбитым, больным. Трудно было дышать, ломило все тело. «Наверно, температура под 40», – подумал, едва поднявшись с постели. За окном – нудный дождь, грязь и непроглядный туман.

Впервые ему совсем не хотелось идти на работу, вдруг показавшуюся каторгой, и он даже обрадовался, что заболел. Есть уважительная причина остаться дома, где как нигде, ему хорошо, даже когда не здоровится...

«ТЕБЯ, НАДЮША, МНЕ САМ БОГ ПОСЛАЛ...»

Он каждое утро, в любую погоду, как на работу приходил к конечной станции метро, устраивался поудобнее в своем закутке на складном стульчике и просил милостыню у вечно спешащих куда-то людей. Этот невысокий худощавый мужчина лет сорока пяти в серой поношенной ветровке, вылинявших джинсах и темных очках настолько примелькался здесь, что с ним, как со своим, здоровались работники станции, а дежурный милиционер, не разрешавший бабкам приторговывать всякой мелочью, великодушно не замечал нищего, собирающего дань. Впрочем, в положенную на бетонный пол панаму прохожие нечасто бросали даже

мелочь. И лишь когда он брал в руки скрипку и выводил жалостливую мелодию, некоторые прохожие замедляли шаг, а то и вовсе останавливались на несколько секунд, чтобы послушать почти совсем слепого музыканта, а затем и отблагодарить его. Однажды и я, очарованный этой дивной музыкой, усиленной акустикой подземного перехода, остановился на минутку. И ничуть не пожалел об этом.

Как он виртуозно, необычно играл! Скрипка, словно живое существо, плакала, с помощью звуков тонко донося до слуха посторонних людей невысказанную печаль и боль своего хозяина, полностью подчиняясь его воле. Какая-то солидная дама, видимо, знавшая толк в музыке, не удержавшись, про себя восторженно воскликнула: «Господи, да ему в консерватории выступать нужно!»

Когда оставшись наедине я тоже самое сказал мужчине, он слегка смутился.

— Да какой из меня музыкант... Это так, хобби. — И выдержав паузу, наверное, подумав, стоит ли продолжать разговор, добавил. — Я профессиональный сапер. Вот этими руками, считайте, через день снимал в Афганистане мины. Много их там было — противопехотных, противотанковых, пластмассовых, в металлическом корпусе, американских, итальянских, пакистанских... Разные по устройству, способу срабатывания, установленные с сюрпризом, на неизвлекаемость, они, кроме смертельной опасности, таили в себе и непознанный интерес. Решив каверзную задачку-головоломку, хитроумный ребус, получаешь ни с чем несравнимое удовольствие. С каждой обезвреженной миной самоутверждался, испытывал ощущение победителя, и возникало странное желание вновь рисковать собой. Эта игра со смертью в рулетку, как ни удивительно, приносила подобие азарта.

Но однажды коварный и весьма искусный минер ловко перехитрил меня. Мастерски установленная им мина показалась примитивной, несложной, она лишь прикинулась безопасной, и я, уставший, до того обезвредивший четыре

«гостинца», наивно поверил... Роковой взрыв прогремел перед глазами, почти лишив меня зрения. Хорошо хоть руки-ноги остались целы, лишь посеколо осколками...

Долгое скитание по госпиталям всего на процентов двадцать вернуло зрение. Вижу, как в тумане, лишь силуэты людей, а не их лица. На врачей обиды нет: они ведь не волшебники... Из армии комиссовали, несмотря на то, что очень хотел служить. Собирался было к министру обороны обратиться с просьбой оставить меня в Вооруженных Силах, но передумал: какой из слепого офицер?

А все из-за моей несчастливой фамилии. Будь она другой, наверное, и судьба сложилась бы иначе.

— Неужели фамилия может определять судьбу?

— Моя может. Беда я, Павел.

Так мы познакомились. Когда он наполовину расстегнул куртку, я увидел под ней на старой рубашке медаль «За отвагу». Словно прочувствовав мой взгляд, Павел пояснил:

— Ношу ее с собой не потому, что хочу перед кем-то похвастаться: боже упаси, просто негде оставить. Живу на улице, где придется. Одно время у друзей, приятелей ночевал, но у каждого семьи, неудобно людей стеснять.

— Павел, но у тебя ведь была своя квартира?

— Не только квартира, но и жена, сын. Это, браток, долгий, душу выматывающий разговор. Сегодня я на него не настроен. Как-нибудь в другой раз подходи, поговорим под водочку откровенно. Я расскажу тебе историю своей несчастливой жизни, если она кому-нибудь интересна.

Через пару дней мы снова встретились. Послушайте и вы рассказ Павла Беды, полуслепого бомжа с медалью «За отвагу».

* * *

В Афганистане я командовал инженерно-саперной ротой. С легкой руки комбата подполковника Скворцова за мной приклеилось прозвище «профессор». Не потому, что я был

этаким всезнайкой, ходячей энциклопедией, просто однажды среди добытых нами «духовских» трофеев наряду с американскими М19 и пакистанскими РЗМк1 впервые оказались итальянские мины в пластмассовом ребристом корпусе TS-2,5 и TS-6. Я в школьные годы, кроме английского, для себя изучал итальянский: нравился мне язык древнего Рима, о котором горы книг перечитал. Надеялся, что хотя бы поверхностное его знание пригодится когда-нибудь в заграничном путешествии по Аппенинскому полуострову. А итальянский неожиданно оказался востребован в Афганистане. В захваченном арсенале были инструкции по устройству и применению этих мин. Но так как итальянского никто в батальоне, да и во всей дивизии не знал, то разбирались с новинками, что называется, на ощупь. Вот тут и настал мой звездный час. Я быстро перевел инструкцию, из которой следовало, что эти почти десятикилограммовые «оладушки» имеют пневмомеханический взрыватель, который срабатывает только при полном нажатии на крышку. Ей, в свою очередь, нужно время, чтобы через калиброванные отверстия вытеснить воздух из верхней камеры, который надавит на диафрагму и уже она приведет взрыватель в действие. Не ожидавший, видимо, от меня таких познаний подполковник Скворцов, любитель афоризмов и эпитетов, на общем построении батальона в своей манере похвалил:

— Старший лейтенант Беда, как настоящий профессор минно-взрывного дела, быстро разобрался с «итальянцами», за что объявляю ему благодарность.

Так вместе с поощрением появилось у меня второе полушутливое, полуироничное имя. Я на ребят, взводных и ротных, ничуть не обижался. Профессор — звучное прозвище, не так ли?

Кто-то сказал, что сапером, как и талантливым музыкантом, нужно родиться. Не знаю, может и есть доля правды в этих словах. Но то, что притаившуюся рядом мину интуитивно нужно уметь чувствовать, бесспорно. Когда коллеги, посмеиваясь, подначивали: мол, у тебя, Павел, нюх

развит, как у минно-розыскной собаки, натасканной на тротил, я в таком же тоне им отвечал. Дескать, что там нюх, скоро лаять начну. Добрая шутка, юмор классно снимали напряжение.

Кроме опыта, который накапливался с каждой боевой операцией, с новым разминированием, каких-то особых секретов у меня не было. Просто я знал психологию минера и старался представить себя на его месте. Как бы я замаскировал мину, какой сюрприз приготовил, усилив ее поражающее действие, куда скрытно вывел бы проводки дополнительного взрывателя? Эти вопросы сам ставил и искал ответы на них. Между минером и сапером всегда идет незримая дуэль: кто кого перехитрит, тот и победит. Поэтому очень важно быть еще и хорошим психологом, аналитиком. Глаза сапера — его надежное оружие, они замечают все до мелочей, голова — мозговой центр, с компьютерной скоростью просчитывающий все варианты действий, а руки — тончайший инструмент, которым умело и с ювелирной точностью выполняют выбранную операцию. В этом смысле я похож на хирурга. Такая вот общая теория. А о практике афганской я тебе сейчас расскажу подробнее, записывай.

...Миша Панюков подорвался у меня на глазах. Никогда не прощу себе его гибели. Золотой солдат был! На лету схватывал объяснения, приказы и распоряжения. Я его сержантом сделал. В тот промозглый праздничный день, 7 ноября, на подъезде к аэродрому наскочил на фугас бронетранспортер батальона охраны. Такой подарок преподнесли «духи» к очередной годовщине Великого Октября. Скворцов приказал мне возглавить группу разминирования. Я взял с собой двенадцать наиболее опытных солдат. Теперь вот суеверным стал, а тогда случайно совпавшему числу тринадцать не придал никакого значения. Приехали на место и приступили к работе. Первыми пустили двух натасканных на тротил овчарок — Астру и Линду. Но после дождя они плохо брали след. Миноискатели вечно пищали, отзываясь на всевозможные примеси горных руд в грунте, поэтому на них особо не

рассчитывали. Вся надежда, как я говорил, была на зоркие, внимательные глаза, наблюдательность и старый дедовский щуп. Он требует почти абсолютного слуха и осторожности. Ведь рядом с противотранспортной может находиться и противопехотная мина, которая срабатывает при малейшем прикосновении к ней. Об этом я еще раз напомнил подчиненным на инструктаже. Через минут десять Астра села в центре дороги. Это сигнал нам: возможно там мина. Аккуратно саперной лопаткой снимаю верхнюю часть грунта и осторожно обкапываю лунку, больше уже орудуя руками. Но земля, несмотря на выпавший накануне дождь, твердая и поддается с трудом, что, впрочем, неудивительно: столько машин за день проходит. Поэтому вновь орудую шанцевым инструментом. Сделав лопаткой углубление сантиметров на тридцать, скорее почувствовал, чем увидел смертоносную находку. А дальше, как говорится, уже дело техники. Мина оказалась пакистанской, никаких отводов-проводков от нее не шло и все же, на всякий случай, я сдвинул ее с места с помощью «кошки», вместе со всеми укрывшись за обочиной дороги. Взрыва не последовало, значит, была установлена без сюрприза на неизвлекаемость, что встречалось нечасто. Видимо, «духи» работали в спешке, опасаясь, что их заметит охрана аэродрома.

Сняли еще две «пакистанки». А вот четвертая рванула, убив Мишу и ранив еще двоих солдат. Почему я передоверился ему, не подошел сразу, когда Панюков крикнул, что нашел мину? Да, не вовремя позвонил комбат, потребовал доклада. Потом зампотех еще отвлек своей проблемой запчастей: нашел время! Эх, знал бы, что там такая коварная мина-ловушка, послал бы всех к черту и сам взялся за нее. Но три до этого были обычные, сняли их без особых проблем...

Как вспомню этот страшный подрыв, меня всего начинает трясти: Мишу разнесло в клочья: в гроб положили какие-то жалкие ошметки тела. Его ошибка была в том, что парень не увидел искусно замаскированную в комплекте

противопехотную мину, сыгравшую роль внешнего дополнительного взрывателя и детонатора...

С тех пор я запретил солдатам и сержантам самостоятельно разминировать взрывоопасные предметы: только под присмотром и руководством офицеров. Сам же старался, насколько это было возможно, брать максимум риска на себя. Все - таки меня четыре года в училище учили обращаться с этими смертельными игрушками, да и Афган основательно практики прибавил, а что они, желторотики, вчерашние школяры, умеют? Да, это и мое, как ротного, упущение, что не додал необходимых солдатам знаний и навыков на полигоне. Не потому что поленился, просто физически не успел сделать это в силу разных обстоятельств. А учиться в ходе боевого разминирования ценой собственной жизни — непозволительно дорого.

— Ты командир роты, не твое это дело каштаны из огня таскать. Так твои раздолбаи никогда настоящими саперами не станут! — в своем стиле распекал, бывало, меня комбат. Его суровую правоту головой понимал, но душа противилась посылать на смертельный риск «зеленого» пацана, во взгляде которого присутствовал невысказанный страх. С ним и близко нельзя подходить к mine.

А ведь случаи были самые нестандартные. «Духи» свое коварство по полной программе в минной войне применяли. Когда разбили мотострелковый батальон в Панджшере, вместе с пехотой вытаскивали трупы и мы. Помню изрешеченный труп лейтенанта, с раскинутыми руками лежавший на спине. Его открытые глаза смотрели в небо. Казалось, что прилег человек отдохнуть. Говорили, это был его первый боевой выход. Боец уже дотронулся до плеча офицера и тут меня, стоявшего рядом, словно током ударило. Не знаю, что это была: интуиция, ясновидение, голос свыше, но я нутром почувствовал, что там, за одной смертью прячется вторая — наша с бойцом. «Стой!» — не крикнул, гаркнул солдату и рванул его на себя. Мы упали в грязь, он с удивлением вытаращил глаза, еще не понимая, что я ему

жизнь спас. Мертвым не больно, поэтому погибший лейтенант принял осколки подложенной под него «духовской» гранаты на себя. То была крепкая зарубка в памяти, еще один профессиональный урок.

На той же операции, спустя пару дней, по просьбе дехкан одного кишлака, проверили мы ... кладбище. Накануне там подорвалась похоронная процессия: погибло несколько человек, были раненые, в том числе дети. Как видишь, ничего святого у воинов ислама за душой не было: шли на самые изощренные способы убийства людей, в том числе своих соотечественников. Прах же мусульман уже не потревожат снятые нами мины и гранаты-растяжки.

Или вот еще случай из серии нарочно не придумаешь. Впрочем, говорит он еще и о недооценке саперного дела. Не знаю уж куда смотрело начальство, то ли в спешке все происходило, но факт остается фактом: трое суток передвижной командный пункт дивизии находился на ... заминированном участке. Как в одночасье не взлетели на воздух комдив и его заместители, я до сих пор удивляюсь. Наверное, у них были надежные ангелы-хранители. То ли от порыва ветра, то ли плохо был прикреплен, но тоненький, почти невидимый проводок отвалился и не позволил «духовским» минерам привести в действие заложенный ранее дистанционно управляемый фугас. Мы его случайно обнаружили, когда командный пункт готовился к перемещению на новое место.

...Бутылка водки, принесенная мной, была уже почти опорожнена, опустошена оказалась и пачка «Примы», а воспоминания разбуренным пчелиным роем незримо продолжали витать вокруг. За окном угасал еще один день из неведомо скольких нам отпущенных... Захмелевший Павел Беда, будто на исповеди выговорившийся, умолк, и, кажется, уснул, в раздумии сидел и я. Вторую, невоенную часть своей жизни, получившуюся куда более сложной и непредсказуемой, он рассказал мне в следующий раз.

— Жену свою, Таню, очень любил, берег. Познакомились в военном училище на танцах. Она была с подругами, такими же студентками выпускного курса торгово-экономического института. Стройная, элегантно одетая, красивая девушка сразу приглянулась и не только мне. Но на белый танец Таня пригласила именно меня, и я был на седьмом небе от счастья. То был чудесный, незабываемый вечер. В воскресенье мы снова встретились и почти целый день бродили по древнему городу вдвоем, никого и ничего не замечая вокруг... Каждое увольнение как угорелый мчался в общежитие к ней: она, будто приворожила к себе. Я влюбился, потеряв голову. Какой же по-детски наивный был мальчик! Таня оказалась настоящей торгашкой (так в обиходе мы называли студенток института). Ей, как потом выяснилось, не я был нужен, а мои погоны, статус жены офицера, позволявший на законных основаниях получить свободный диплом и не ехать по распределению в тьмутаракань в сельское сельпо. С прекрасными внешними данными, обольстительная молодая женщина любила к тому же быть в центре мужского внимания. Я стал замечать, что и выпить она не прочь. А где вино, компания там и блуд. Ревновал я ее, конечно, но повод к этому она постоянно давала. Бывало, прихожу со службы вечером, а жены дома нет. Звоню одной, другой ее подруге: говорят, не видели. Ближе к полуночи, как ни в чем не бывало, слегка навеселе, является и с порога начинает лепетать неправду: мол, была у подруг, засиделась, ты уж прости. А потом слухи всякие до меня стали доходить: городок-то небольшой. Но я не верил бабским сплетням. Пока сам однажды не застукал женушку в постели с солдатом. Она знала, что я на сутки дежурным по части заступил, поэтому сильно удивилась, увидев меня в середине дня на пороге квартиры. Я совершенно случайно забыл дома ключи от служебного сейфа, и, воспользовавшись отсутствием командира и начальника штаба полка, в нарушение устава, конечно, на полчаса домой смотался. Заодно, думал, и перекушу. Как у дежурного по части у меня был снаряженный

пистолет с собой. Как я не застрелил их обоих!? Находился ведь на грани нервного срыва. Она клялась богом, своим здоровьем, любовью, что такое больше не повторится. Валялась в ногах, со слезами умоляла простить ее минутную женскую слабость. И я дрогнул, отступил перед ее чарами. Сказал, что все забыл, будто ничего и не было. А через месяца три уехал по замене в Афганистан. Какое-то время Таня держала слово, вела себя пристойно. А потом сорвалась: и пошло-поехало. Словом, блядью стала в городке знатной: баба - то молодая, красивая. Надо было, приехав в отпуск, развестись с ней, но я опять не решился резко порвать, все еще любил и надеялся, что перебесится, образумится. Незадолго до моего рокового подрыва получил от жены письмо, в котором она сообщила, что беременна. Я все же верю, что это действительно мой, а не чужой ребенок... По тембру голоса сына, манере говорить узнаю себя. Но рождение ребенка принесло лишь иллюзию семейного счастья. Да и откуда ему было взяться, если давно потух любви костер, а в доме поселилась ненависть. Я, почти лишенный зрения, стал жене обузой. Однажды во время очередной словесной перепалки, не сдержавшись, она жестоко бросила в лицо, словно вынесла приговор:

— Зачем мне слепой калека?! Я еще молода и красива, найду себе достойного спутника жизни.

Хотя душа от услышанного негодовала, как можно спокойнее ответил, что хоть сейчас дам ей развод. И, собрав в чемодан самое необходимое, навсегда ушел, хлопнув дверью. Не стал судиться из-за однокомнатной квартиры: пусть остается сыну. А я как-нибудь один проживу, мир не без добрых людей. С мая по октябрь, пока еще не холодно, живу на заброшенной даче. Сосед тамошний, отставник военный, армейскую печь-«буржуйку» подарил, она малость согревает. Когда наскучит, в город на день-другой загляну, похожу вокруг своего дома, и на душе полегчает. Правда, от знакомых слышал, что моя бывшая обменять квартиру хочет и вроде бы даже замуж собирается, что ж, перечить не стану. Лишь бы за

кавалером о сыне не забывала. Поди, подрос уже мальчонка: вот за кого жизнь, не раздумывая, отдал бы! Да только матерью настроенный сторонится, не узнает он меня. Ну и правильно, зачем ему отец-бомж!? Вот и у бабки Степаниды, одиноко проживающей рядом с дачей, в деревне, в которой иногда бываю, сын такой же: стыдится мать навещать. Раз в год случайно заскочит на десять минут и был таков. Большим начальником в городе стал, некогда, видите ли. Да брехня все это и подлость человеческая!

Я своих родителей, выживи они после той страшной, уже полузабытой автокатастрофы, никогда не бросил бы, и сейчас бы из последних сил ухаживал бы. Это святой родственный долг. Он, может быть, даже выше, чем интернациональный или воинский.

Ты спрашиваешь как с продуктами у меня? Терпимо, не голодаю, кое-как перебиваюсь, пенсия есть. Хорошо хоть последние зимы не столь морозные, как раньше, а то туго пришлось бы. Такая вот жизнь непутевая у Пашки Беды сложилась...

... После нашей встречи минуло больше месяца, а у станции метро, как обещал, Павел ни разу не появился. Вчера в городской газете в сводке происшествий я случайно наткнулся на маленькую заметку, сообщавшую о том, что возле конечной станции метро «БМВ» насмерть сбила человека. По словам очевидцев, якобы он сам бросился машине под колеса...

Как же удивился и одновременно обрадовался я, встретив днями живого (!) Пашу возле гастронома. И не одного, а с какой-то женщиной средних лет. Она заботливо держала его под руку, он что-то с улыбкой увлеченно рассказывал, когда эта симпатичная пара неторопливо удалялась в сторону жилых домов. Я только услышал обрывок Пашиных слов:

— Тебя, Надюша, мне сам Бог послал...

ТЮТЯ-МАТЮТЯ

Тоня Кучко первый раз выходила замуж по большой и чистой любви. Ее избранником стал молодой преподаватель престижного вуза Сергей Иванович Кравченко, а для нее просто Сережа. Остроумный, веселый, обаятельный, душа любой компании он ей сразу понравился на дне рождения лучшей подруги, где они и познакомились. Стали встречаться, вместе проводить свободное время то в кино, то на дискотеке, даже в театре на премьере побывали. Правда, Тоне спектакль не лег на душу, как и игра актеров, показавшаяся слишком манерной, притворной. Вообще театр с его сценическими условностями, фантазиями всегда казался ей искусственным, неживым действием.

Около года длился букетно-конфетный период, и ровно три года, месяц и четыре дня законный брак. Тоня уверена, что они прожили бы долгую и счастливую жизнь, обязательно дождались бы внуков, если бы не та дорожная трагедия под Могилевом со смертельным исходом. Уходя от столкновения с внезапно выехавшим на встречу «жигуленком», Сергей резко вывернул руль вправо, на обочину, где, как назло, рос столетний дуб...

Тоня находилась на заднем сиденье, что, скорее всего, и спасло ей жизнь и даже уберегло от тяжелых травм – отделалась испугом да ссадинами на теле, которые через пару недель стали малозаметны, а вот любимого мужа уже больше никогда не будет рядом...

Она со слезами на глазах многократно прокручивала в памяти тот черный день, будто хотела прожить его заново, по-другому, и не могла понять почему с роковой точностью до сантиметров и секунд столь трагически сложились в смертельный пазл обстоятельства места и времени.

Год она строго соблюдала траур по своему Сереже, раз в неделю приходила к нему на кладбище. И как с живым разговаривала, рассказывая о домашних делах, первых словах их маленькой дочурки Вари, с которой папа так любил

нянчиться. Выплакав на могиле все слезы, чувствовала некоторое облегчение, будто кто камень с души снял, затем начинала собираться домой.

Может, так и осталась бы она матерью-одиночкой, если бы не лучшая подруга Нина, начавшая постепенно возвращать ее к жизни. Сначала записала вместе с собой в женский фитнес-клуб, потом затащила в бассейн, обосновав это тем, что «вода – природный психотерапевт, снимающий боль и тревоги, лечащий телесно и духовно».

А потом, когда уже дочка в первый класс пошла, подруга, как заправская сваха, познакомила ее с неженатым 37-летним прорабом одной из строительных организаций. Она сразу запомнила его должность, потому что Костя смешно представился: раб с приставкой про. Конечно, пошутил, насчет рабства, на стройке он все-таки начальник, хоть и маленький, как потом пояснил.

Он был иногородним, жил в общежитии на заводской окраине, над которой почти всегда висел противный смог. До встречи с Константином Антонина даже не предполагала, до чего бывают нерешительные, стеснительные и молчаливые мужики! Поэтому и в холостяках Константин засиделся. Хотя, говорил, якобы была у него зазноба, да замуж за одноклассника выскочила.

Поначалу Тоня брала инициативу в общении на себя, не молча же сидеть за столом или по улице прогуливаться. Рассказывала неразговорчивому кавалеру все подряд: о погоде, моде, ценах, бабских сплетнях в продмаге, где продавцом работала. И наверно зря голосовые связки напрягала: слушал он вполуха, было видно, что его это мало интересует. «Видимо, считает меня пустой балаболкой, которую хлебом не корми, дай только языком почесать», – неодобрительно подумала как-то о себе и примолкла. Спустя несколько минут Костя нарушил тишину. Было воскресенье, и он спросил, не хочет ли она куда-нибудь сходить вечером. «Хочу, но только не в театр, – сразу отмела это

культурологическое направление Тоня. – А давай...те, ходим в цирк! Сто лет там не была».

Косте идея понравилась и через час они уже стояли в небольшой очереди у касс. Купив билеты, неспешно прогулялись по парку Горького. С любопытством наблюдали за вольной жизнью почти прирученных белок, бравших корм прямо с ладони, а также утиных парочек, нагуливавших жирок в неглубоком водоеме и дремавших на травянистом берегу. В отличие от лесных собратьев жизнь городских представителей фауны сытнее и комфортнее. С голоду они точно не помрут!

Потом Костя и Тоня на колесе обозрения поднялись более чем на 50 метровую высоту и полюбовались живописным центром Минска. С высоты птичьего полета люди и дома казались уменьшенными копиями, а кругозор значительно расширился. Еще оставалось время до представления, и они решили снова окунуться в детство – с ветерком покатались на цепных качелях.

Места в цирке оказались сбоку от центрального выхода участников представления, зато близко к манежу, поэтому хорошо были слышны голоса артистов, их реплики. Цирковая программа понравилась: дрессировщики с хищными питомцами, жонглеры, фокусники, воздушные гимнасты, акробаты, и, конечно же, клоуны выступали с оригинальными номерами, старались не просто показать свое умение, но и заинтересовать, удивить публику.

Выйдя из цирка в хорошем настроении, немного прогулялись вдоль проспекта, утопающего в вечерних огнях. Тот день с походом в цирк ей отчетливо, в деталях отложился в памяти, как и поездка с детьми на море, в Крым. Первая и последняя: больше, в общем-то, нечего и вспомнить из их серой совместной жизни.

«Спасибо, Нинка, за кавалера, удружила!» Ох, зря понадеялась, поверила в «логичные» аргументы: Костя мужик хозяйственный, строитель. А то, что старый холостяк, со своими привычками, конечно, не голливудский актер Брэд

Питт, и не любишь ты его – не беда. Стерпится-слюбится. Молодость – быстрокрылая птица, не заметишь, как пролетит, поэтому нельзя упускать подвернувшийся вариант, второго может и не быть. Опять же дочь Варя: каково ей без отца расти? А так пусть не родной, но все же и не совсем чужой дядя будет в доме. Да и ей с мужем легче, чем одной лямку тянуть.

Скромную свадьбу справили по-домашнему, в «двушке», доставшейся Тоне от мамы. Костя сам привел ее в божеский вид: строитель же!

Постепенно вроде бы начала складываться их семейная жизнь. Через год у школьницы Вари появился братик Сережа, появлению на свет которого все были очень рады. В материнских хлопотах проходили дни, недели, месяцы. Муж с утра и до вечера пропадал на стройке, в том числе и в субботу, а иногда и в воскресенье. Приходил нередко уставший, издерганный, на нервном взводе из-за каких-то своих проблем с бетоном, кирпичом, халтурой смежников и чем-то еще. Она, как могла, старалась поддержать его, успокоить: мол, не переживай, за черной полосой неудач обязательно наступит светлая, добрая пора.

Их первая серьезная ссора случилась, когда Костя вернулся домой со стройки пьяным. «Обмывание сдачи объекта» она не сочла за уважительную причину. Не стала молчать, когда муж в следующую пятницу тоже пришел на рогах. Она устроила форменный допрос: с кем, зачем и сколько выпил?

– Костя, я что за алкоголика замуж вышла? – строго спросила на грани нервного срыва. – Дочка тебя так ждала, надеялась, что папа поможет задачку по математике решить, а он лыко не вяжет.

Муж и под градусом был немногословен. За обзывание алкоголиком обиделся. Промычал, что исправится, но право на отдых у него никто не отнимет, оно положено по конституции.

Так уже в начале семейной жизни их семейный корабль задрейфовал, периодически садясь на мель по вине любившего выпить капитана. Хотя какой из него глава семьи, так, одно формальное название. Впрочем, голову на плечах и умелые руки имел. Но из-за своей дурацкой стеснительности, холопской робости, выдаваемой за скромность, не мог ни левых премиальных на своей стройке либо где-то на стороне «срубить», ни по карьерной лестнице продвинуться, так в прорабах и состарится. Словом, Тютя-Матютя, а не мужик.

Тоне такие парни никогда не нравились: мысленно из комического озорства она наряжала их в нелепые женские одежды. По гороскопу Овен, ее стихией был огонь, наверно, отсюда и решительный, волевой характер. Не сахар, конечно, но и не стервозный, вполне сносный, чтобы водить дружбу, в согласии и любви с близким человеком жить. Только вот проблема: где его найти, если даже законный муж им не стал...

Души прекрасные порывы – чувства и страсти, эти вечные странники человеку, оказывается, не подчиняются и приходят спонтанно, по своему усмотрению, стечению обстоятельств, а не по твоему желанию или просьбе. Возникло странное ощущение: чем дольше времени они с Костей вместе, тем холоднее становились их отношения. Народная формула «стерпится-слюбится» уже не работает?

А в жизни ее непутевого муженька, «раба с приставкой про», видать, и впрямь светлая полоса наступила. Стройка уже так не донимала, и он, кажется, взялся за голову, перестал часто заглядывать в стакан. Когда же порой и приходил выпивши, то старался заглядеть вину – что-то полезное сделать по дому.

Между тем Костя жену по-своему – тихо и молчаливо, в душе любил – за хозяйственную практичную жилку, за вкусные обеды, за Варю и сына, в котором души не чаял. Ради них прощал эмоциональной супружнице взрывной характер и «тютю-матютю», ставшую уже дежурным оскорблением. Закрывал глаза и никогда не устраивал допросов по поводу ее

участившихся девичников, и даже учуяв винный запах, как ни в чем не бывало, молчал.

Соседка, любительница сплетен, с которой у Тони не сложились отношения, однажды в лифте открыла глаза Косте, причем сделала это весьма оригинально:

– Удивляюсь, какой вы терпеливый мужчина, – вначале вроде даже похвалила, а потом пригвоздила самолюбие обидным сравнением. – Мой меня бы давно из квартиры выставил, окажись я отзывчивой на чужие утехы.

Она хотела сказать про наставленные рога без намеков, прямо, но в последний момент передумала, чуть завуалировала суть. Но Костя не дурак, все понял.

– Спасибо за внимание к нашей семье, – с холодной иронией поблагодарил и вышел из лифта.

Не имея конкретных доказательств, или улики, как сказал бы его старший брат, профессиональный следователь, Костя старался с порога отметать периодически долетавшие до его уха слухи, считая их грязными наветами. Антонина утверждала, что это бабы-разведенки от безделья и черной зависти языками чешут, напраслину на нее возводят. Все смириться не могут, почему не им, а ей так повезло: бог красотой не обидел, оставшись с ребенком, второй раз вышла замуж, родила сына, муж трудяга, строитель, ее любит, жильем обеспечена.

Говорила так убежденно и страстно, что не только муж, сама готова была поверить в свою добродетель. Из нее, наверняка, получилась бы хорошая актриса... Но как ни старалась, не смогла подавить нараставший в душе внутренний протест против самообмана. И причиной этого бессилия была неприглядная правда: Антонина больше года изменяла мужу, причем, как-то легко, если не сказать, с удовольствием. Своему поведению, казавшемуся поначалу постыдным, быстро нашла оправдание: у хорошего мужа жена не загуляет. В постели с Игорем, Аликом, Женей (кто там еще у нее был?) она получала удовольствие, называемое оргазмом, тем самым мстя своему Тютю-Матюте за его дежурный секс по

выходным. Вместо серых семейных будней она получала праздник на стороне – яркий, запоминающийся, с подарками и вниманием любовников. И такая жизнь ей все больше нравилась.

Ближе к 40 в ней пробудился вулкан женских страстей, не истраченных в молодости. Тоня по-прежнему оставалась стройной, привлекательной и желанной для мужчин среднего возраста – от 35 до 60. Чего, к сожалению, не скажешь о муже. Располневший, облысевший он как-то на глазах сдал, обзаведясь букетом болезней, из-за которых они уже давно спят порознь. Правда, Костя нашел отдохновение в работе, благоустройстве дачи, а еще в радиоделе, микросхемах, припоях. По-прежнему немногословный, замкнутый в себе, будто в скорлупе, живущий в своем узком мире.

Нельзя сказать, что дружим домами, но приятельствуем более 30 лет. И все это время со стороны наблюдал эту семейную сагу и часто думал: каков будет ее финал?

Дочь и сын давно выросли, сами обзавелись детьми. Бабушка Тоня пуще всего теперь любит внуков, на мужиков уже даже не смотрит: ни на своего, законного, ни на чужих. Говорит, как на пенсию вышла, так страсти и улеглись. Костя тоже давно на заслуженном отдыхе, но по-прежнему трудится, только уже на даче, в деревне, где с весны по глубокую осень и живет. Ему там, в родительском доме хорошо, уютно, ведь все своими руками сделано, вымощено, перекрыто, покрашено, подогнано до миллиметра. Есть крепкая рубленая банька, его рук творенье, лес с грибами-ягодами и бесплатными дровами в двух шагах.

Кроме кота, завел кроликов, чтобы не одиноко было и опять же есть о ком заботу проявить. Вечерами в старые подшивки журнала «Радио» погружается, находя в них отдушину. Смастерил любительский радиоприемник, теперь в радиоэфире, как молодежь, в интернете, подолгу зависает. Тоня приезжает раз в месяц на выходные, с сумкой продуктов: она не сельский, городской житель.

Иногда ей кажется, что она лишь наполовину замужем. Муж на расстоянии ее вполне устраивает, так он даже ближе и роднее, чем если бы, раздражая, храпел под боком в квартире. А так, будто свидания у них после долгой разлуки, и даже что-то напоминающее интимную близость времен молодости по большим праздникам случается.

Но в душе Тоня понимает, как, думаю, и Костя, приближающийся уже к себе, 70-летнему: с каждым годом не только в организме что-то изнашивается, ломается, требует срочного ремонта, но и в уставшей душе. Да и чему удивляться, когда наступила осень жизни, причем, не та, воспетая поэтами и влюбленными, замороженно золотая, а поздняя, глубокая, депрессивная, когда сумерки рано поглощают дневной свет, и деревья, до бесстыдства оголенные холодными ветрами, как мертвые тени, застыли в предчувствии зимы. Костя и Антонина дожили до такой поры, когда уже от завтрашнего дня ничего хорошего не ждешь, и чаще как-то отстраненно думаешь о том, чтобы он лишь наступил...

УБИТАЯ ЛЮБОВЬ

Большого романтика, чем Ира Кузнецова, во всем медучилище, наверное, не было. Поэтому никто из ребят не удивился, узнав, что девушка настойчиво обивает пороги военкомата. С единственной просьбой: направить ее после выпуска в Афганистан.

– Вы не имеете права мне отказать, – сердилась Ира, слыша уже из уст военкома знакомое предложение «хорошенько еще раз подумать». – Я взрослый, самостоятельный человек и хочу полученные в училище знания применить там, где они наиболее нужны.

– Правильно мыслите, – неожиданно согласился с ней военком. – Поэтому мой вам совет: езжайте в одну из

сельских больниц. Там не хватает медсестер и каждому новому человеку очень рады.

– Туда я всегда успею. А вот в Афган могу опоздать. Я вас, товарищ полковник, всегда по-доброму вспоминать буду, только оформите документы, пожалуйста.

– Да что же это за девки такие напористые нынче!? – слегка завелся и военком. – По-доброму, говоришь, вспоминать будешь? А если, не дай Бог, без глаз или руки останешься: пуля ведь действительно дура, ей все равно кого ранить и убивать. Тебе, Ира, самое время не в строю в сапогах, а в невестах ходить, любовь с парнями крутить. А там, глядишь, дело к свадьбе повернет, сына или дочку родишь...

– Это тоже успеется. Так как насчет Афганистана?

– А родители согласны? – после паузы уточнил военный комиссар. – Они, кстати, кто по профессии?

– Папа у меня военный, танкист, правда, уже на пенсии. А мама заведующая библиотекой. Но их мнение в данном случае не решающее.

– Значит, они против?

– А вы были бы «за» на их месте? Уже хорошо, что они не закатывают в доме истерику, а относятся к моей возможной командировке сдержанно.

– Когда у вас выпуск, в июле? Подойдите в начале августа: мы как раз будем комплектовать команду по заявке с области. Медсестры, думаю, понадобятся.

Услышав такое, Ира на радостях готова была расцеловать военкома. Она не шла, а просто летела к ближайшей автобусной остановке. Со стороны могло показаться, что девушка выиграла в лотерею миллион.

* * *

В отделе кадров штаба армии ей вначале предложили остаться в Кабуле, в госпитале, но в последний момент все переиграли.

– Поедете в Баграм. Там в агитотряде уже два месяца нет медсестры.

Где находится этот Баграм и что за странное такое подразделение агитотряд, Ира не знала, но решила не уточнять. По ходу сама разберется. На попутном транспорте еще с одной женщиной, вольнонаемной из Челябинска, добралась до Теплого Стана, откуда в обед должна была идти автомобильная колонна. По иронии судьбы она направлялась домой, в Советский Союз, откуда сутки назад прилетела Ира военно-транспортным самолетом.

– Возьмете до Баграма? – спросили они у капитана, деловито прохаживавшегося вдоль выстраиваемых машин.

Прежде чем ответить, офицер строгим взглядом смерил с головы до ног симпатичных незнакомок и, прокашлявшись в кулак, в свою очередь игриво поинтересовался:

– А вы, сударыни, какую плацкарту предпочитаете: мягкую или жесткую? Выбор у меня невелик: могу предложить сиденье в кабине «КамАЗа» или открытое, обдуваемой ветром, место на броне. Второе, кстати, более безопасно для вашего бесценного здоровья.

Ира и ее попутчица с Урала Валентина в недоумении переглянулись. Уж не потешается ли над ними капитан, пряча наглую улыбку в пышные усы? В кабине, конечно же, женщине уютнее, комфортнее, нежели глотать едкую пыль сверху на бронетранспортере, являясь к тому же прекрасной мишенью для снайпера. О том, что куда коварнее другой невидимый враг – мины, они тогда еще не знали.

Капитан с женским желанием ехать в кабине «КамАЗа» спорить не стал и жестом указал на одну из машин.

В путь тронулись через час с лишним. Колонна лениво, как разомлевшая на солнцепеке змея, вытянувшись, поползла вперед, медленно оставляя позади шумный город.

Ира без усталости крутила головой по сторонам: ей все было в диковинку, а потому чрезвычайно интересно в этом восточном средневековье. Сколько хватало зрения, вглядывалась в дорогу – неширокую, причудливо

изворачивавшуюся, местами усеянную ямами и давно лишившуюся асфальта. На таких колдобинах груженная машина урчала натужнее, а ее водитель долговязый солдатик Слава, манипулируя «баранкой», слегка нервничал.

И тут Ира увидела, как заплясали чуть впереди на пыльной обочине какие-то фонтанчики. С десяток, а может и больше их, одинакового размера и формы, запрыгали вокруг в каком-то хаотичном танце. «Музыку» они слышали вместе.

– Ё...й обстрел! – смачно выругался, напроочь забыв об этикете и о дамах-пассажирах, водитель Слава. – И снова «духи» бьют нас в этой проклятой Аминовке.

Голос солдата заглушила автоматически-пулеметная дробь. Услышав ее, Ира и Валя испытали настоящий страх. А когда где-то рядом мощно ухнул еще и гранатомет, девчонки завизжали, наклонив головы вниз, к коленям. Казалось, что следующая прицельная очередь исполосует их беззащитный «КамаЗ».

По-разному в зависимости от личных качеств, срока службы в Афганистане, плотности огня ведут себя в боевой обстановке люди. Новички обычно теряются и в панике забывают даже о собственном оружии, в котором их спасение. Большинство тех, кто поопытнее, научились подавлять страх и справляться со своими чувствами и эмоциями. Когда смерть на твоих глазах устраивает показательный экстремальный танец из пуль, выпущенных огнедышащими стволами, навсегда забирая в свой круг все новые и новые жертвы, лишь слепому не страшно. Звонко треснуло стекло и его осколки больно впились Ире в волосы и шею. В то же мгновение резко вскрикнул и замолк Слава. Подняв голову, Ира ужаснулась от увиденного: пуля попала водителю прямо в переносицу, навеки изуродовав красивое лицо молодого парня. Его уже мертвые руки по-прежнему сжимали «баранку» остановившегося грузовика.

Что делать в этой дикой, непонятной свистопляске двум безоружным молодым бабам, совершенно потерявшимся на войне уже в первый день, где искать то безопасное, пусть и не

совсем уютное место, о котором полуигриво говорил усатый капитан? Кстати, где он сам, жив или, может, тоже убит, как этот несчастный Славик? Интуитивно Ира поняла, что дальше, полусогнувшись, сидеть в кабине бессмысленно, да и опасно. Кое-как нащупав нужную дверную ручку, они сумели выбраться наружу. Короткого взгляда назад оказалось достаточно, чтобы понять: из-за объятый по близости пламенем машины, перегородившей дорогу, середина колонны остановилась, в то время как первые пять грузовиков успели вырваться из-под обстрела. Из двух сопровождавших их бронетранспортеров почему-то стрелял лишь один.

Ира и Валя, пригибаясь и пару раз упав, ничего не замечая вокруг, и не чувствуя под собой ног, бежали к своим. С людьми, пусть и на открытом месте, не так страшно, как в неподвижном «КамАЗе» с убитым водителем.

– Сюда бегом, вашу мать! – кричал им кто-то сбоку из-за камня- валуна у дороги. Это естественное укрытие оказалось как нельзя кстати. Обе вздохнули с облегчением, увидев знакомого капитана. Рядом с ним находился радист с рацией, просивший у какого-то «ноль первого» срочной помощи.

– Ну что, милые, перепугались? – Капитан, кажется, не из робкого десятка, если даже в такой критической обстановке попробовал изобразить на своем наполовину чумазом лице подобие улыбки.

– У меня сегодня юбилей.

– День рождения, что ли? – уточнила Валентина.

– Нет. Обстрел тридцатый по счету. За год службы.

– Вы так любите статистику?

– Нет, я женщин люблю, – нашелся капитан. – А без арифметики на войне нельзя. Количество проведенных колонн приходится документально фиксировать, вот и помню цифирь.

Незримый «ноль первый» все-таки услышал их и направил в помощь пару боевых вертолетов. Ира впервые видела, как окрашенные в камуфлированный цвет винтокрылые машины с крупными звездами на борту

стремительно зашли в пике (или как там это у летчиков называется) и, изрыгнув приличную порцию огня, выпустили свои ракеты. Несколько минут понадобилось для того, чтобы на дороге и в близлежащем кишлаке установилась тишина. Колонна, потеряв три машины и двух солдат, под прикрытием вертолетов тронулась дальше в свой неблизкий и опасный путь.

На баграмском повороте, у нашего блокпоста один из «КамАЗов» приостановился, чтобы расстаться с двумя очаровательными спутницами, невольно разделившими с водителями риск, тяготы и невзгоды военной службы на колесах.

– Девчонки, до встречи в Союзе! – громко выкрикнул на прощанье капитан, ни имени, ни фамилии которого они даже не спросили.

* * *

Похоже, внезапное появление на перекрестке двух незнакомых девушек с чемоданами, явно не знавших, что им делать дальше, стало главным событием в буднично-рутинной жизни отдельной «точки». В дорожной пыли, хрустевшей даже на зубах, пропахшие дымовой гарью, в изрядно помятых кофточках и джинсах да еще босиком (надо же было додуматься надеть туфли на каблук!), скованные страхом от пережитого, изрядно уставшие — такими предстали неожиданные гости перед воинами советского блокпоста. Неужели их мучения закончились, и можно просто умыться, привести себя в порядок, малость отдохнуть от солнцепека в тени?

– Красавицы, какими судьбами к нам? – спросил вышедший навстречу прапорщик с автоматом на плече. И тут же скомандовал:

– Магометов, что стоишь, как истукан, отнеси чемоданы.

Иру и Валю, после того как они смыли с себя дорожную «косметику», накормили рисовым супом и гречневой кашей с

тушенкой, подробно за обедом расспросив о новостях и жизни в Союзе, кем и в какую часть прибыли.

Услышав, что одна из девчонок будет работать продавцом в их военторговском магазине при штабе дивизии, на витринах которого стоит немало дефицитного товара, дальновидный прапорщик «на всякий случай, авось пригодится» пометил в блокноте ее имя и фамилию. Медсестра из агитотряда его не интересовала.

Под вечер на попутном бронетранспортере заботливый прапорщик отправил их в военный городок, находившийся в нескольких километрах от «точки».

В отделе кадров формально-сухо спросили, как добралась, посмотрели документы и велели прийти завтра.

– А пока обустраивайтесь в женском модуле. – С этими словами офицер вызвал посыльного солдата, и в его сопровождении Кузнецова направилась к своему новому месту жительства.

Показавшееся впереди на фоне величавых гор приземистое длинное здание, своими контурами напоминавшее колхозную ферму, оказалось гарнизонной женской обителью. Неприятно скрипнув, хлипкая деревянная дверь легко отворилась, открыв Ириному взору скромное убранство комнаты с двумя застеленными кроватями. Со стены напротив какой-то удивительно теплой улыбкой с журнальной цветной обложки встречал певец и композитор Юрий Антонов. «Вот и обрела ты, Ирка, крышу дома своего, как поется в популярной песне. На два ближайших года».

Заняв свободную койку у окна, Ира кое-как распихала извлеченную из чемодана одежду. Затем принялась за уборку комнаты, показавшейся ей, любящей чистоту и порядок, грязной.

– О, у нас никак домработница появилась, – эта грубая шутка, прозвучавшая с порога, Ире не понравилась. Оторвавшись от мытья пола, Кузнецова увидела перед собой упитанную тетку лет тридцати пяти.

– Новенькая? Ну, давай знакомиться. Я – Зоя, не Космодемьянская, конечно, а Пригожина, повариха из офицерской столовой.

– Кузнецова Ира, медсестра.

– А родом откуда?

– Из Ленинграда.

– О, из самой колыбели революции!?

– Из нее.

Уже вместе закончив уборку, сели пить чай с привезенными Ирой конфетами и печеньем.

– У нас это почти деликатес, – на правах старшей по возрасту и времени пребывания в Афгане пояснила Зоя. – Так что жизнь здесь несладкая. Одно хорошо: мужиков много, а нас, баб, мало. Спрос на женскую ласку и тело необычайно велик. И этим дефицитом нужно уметь пользоваться.

Дальше Пригожина поделилась своим секретом привораживания мужчин. Будучи незамужней, она извлекает пользу из своего свободного статуса. Как призналась, крутит любовь с тремя мужиками сразу, и не считает это постыдным. Не сама же она в любовницы набивалась, к тому же никому не жена, чтобы верность хранить. На войне совсем другая шкала нравственных ценностей. То, что в Союзе считается аморальным, постыдным, здесь, в боевой обстановке, прощается и не подлежит осуждению.

Ира слушала старшую подругу, не перебивая, в чем-то даже восхищаясь ею, а где-то внутренне протестуя. Ей только не нравился этот грубоватый разговор об интиме, зачем-то затеянный Зоей, мало интересовали досужие сплетни о том, с кем спит комдив и что у начальника штаба новая пассия... Казалось, не было в гарнизоне офицера, о котором ничего бы не знала словоохотливая повариха. Из ее рассказов получалось, что все мужики, независимо от звания и должности, настоящие кобели, у которых только одно на уме: уложить женщину в койку. А добившись своего, они быстро забывают о красивых обещаниях вечной любви и по сторонам зыркают, как изголодавшиеся хищники, высматривают новую

добычу. И эта гонка за удачей ради удовлетворения основного природного инстинкта у многих затягивается на десятилетия, а то и на целую жизнь.

Вдоволь наслушавшись Зойкиных советов, Ире, столько пережившей за этот суматошный день, показалось, что она проваливается в какую-то бездонную яму. Ее, смертельно уставшую, быстро сморил сон.

* * *

– Ты зачем, неверная, осквернила своим присутствием нашу землю? Кто звал тебя сюда?

Ира увидела перед собой пылавшее ненавистью, перекосившееся от злости, помеченное шрамом лицо главаря банды, которое налилось кровью, а острый, словно кинжал, взгляд пронзил ее девичий стан до мозга костей.

– Если будешь молчать, мы, как барашка, зарежем и зажарим на огне твое сочное молодое мясо. Отвечай же! – Она едва успела уклониться от наповал разящего удара и, закричав в страхе, проснулась.

В комнате никого не было. За окном – непроглядная темень. Зоя, наверное, заночевала у одного из своих кавалеров. Свернувшись калачиком и натянув на себя простыню, прочь гоня дурное привидение, Ира вновь сомкнула веки. Но сон куда-то испарился.

А тут еще за стенкой послышался скрип кровати, продолжавшийся минут десять, затем ее слух уловил чьи-то приглушенные стоны, голоса – мужской и женский. Так вместе с соседями и не смогла уснуть, тем более что за окном уже светлело.

* * *

– Проходите, Ирина ...э..э...

– Сергеевна.

Начальник политотдела дивизии, решивший лично побеседовать с новой медсестрой агитотряда, был сама любезность. Стройный, поджарый подполковник лет сорока чем-то напоминал Ален Делона, по которому сходили с ума не только французские поклонницы великого актерского таланта, но и советские женщины. Начпо, похоже, любил в дружеской, неторопливой беседе, по только ему одному известной психологической методике узнавать людей. А еще подполковник Сазонов получал, видимо, истинное удовольствие от инструктирования подчиненных – военных и гражданских.

– Вы не просто медсестра, а в какой-то мере еще и политический работник, потому что служить будете на передовой невидимого фронта, – объясняя, напустил он высокопарного туману. – Ведь подчас вооруженные до зубов батальоны не могут добиться того, что способен сделать один агитационно-пропагандистский отряд. Я вам не буду сейчас рассказывать о его штатном расписании, специфике работы, сами скоро узнаете. Кстати, через десять минут ко мне на доклад придет командир агитотряда майор Михайленко. Посидите, внимательно послушайте, а потом я вас представлю командиру.

Вскоре в дверь постучали, и на пороге кабинета появился высокий, худощавый мужчина лет тридцати.

– Проходите, Анатолий Иванович, и давайте сразу к делу. Что у нас там с клубной машиной? – спросил начпо.

– Стуканул движок, товарищ подполковник. Я в техническую службу уже сделал заявку, но, боюсь, до нас очередь дойдет нескоро.

– Я позвоню, потороплю их. Что наш рафик Сулейман сообщает? Может, есть смысл агитотряду вновь поработать в кишлаках его уезда? Взять с собой побольше муки, риса, сахара, чтобы получилось солидно и красиво. Надо показать афганцам, что «шурави» не мелочатся, когда речь идет о помощи друзьям. Тем самым мы поддержим Сулеймана как представителя центральной власти, председателя местного

комитета НДПА (Народно-демократической партии Афганистана – Авт.). Нам крайне важно, чтобы за ним, а не за муллою, пошли люди. Ну и квалифицированное медицинское обслуживание населения провести само собой... Кстати, знакомьтесь: Ирина Сергеевна – новый медицинский и политический! – сделал акцент на этом слове начпо, устремив вверх указательный палец, – работник. Прошу любить и жаловать.

Ира, слегка смутившись, поднялась с места. Она ощутила на себе строгий мужской взгляд майора Михайленко.

Из кабинета они вышли вместе.

– Вам придется еще и частично за врача поработать. Нина Викторовна, наш штатный терапевт, на днях уезжает в отпуск, — «обрадовал» командир. Узнав, что у его новой подчиненной за спиной никакой практики, только диплом медучилища, не на шутку расстроился. Отпустив крепкое словцо по поводу вечного бардака в военкоматах, уже более миролюбиво молвил:

– Ладно, что теперь уже возмущаться: будете в боевой обстановке опыта набираться. Потом в Союзе он окажется бесценным.

К предстоящему выезду в кишлаки баграмской зоны медсестра Кузнецова готовилась так, будто завтра у нее выпускной госэкзамен принимает сам министр здравоохранения. По совету командира, она до краев набила медицинскую сумку различными лекарственными препаратами, сверху положила в кожаной сумочке тонометр, перевязочные средства. Каких таблеток не было, дополнила в медпункте. Выданная песочной формы «афганка» пришлась точно по ее стройной фигурке. Нарукавная белая повязка с красным крестом сразу все объясняла. Оружие ей, гражданскому специалисту, не полагалось. Но в колонне, кроме санитарного УАЗа, двух грузовых «Уралов» с продовольствием, постоянную прописку имел БТР охраны с небольшим десантом, порой усиливаемый еще и БРДМ. Правда, сейчас поездка предстояла недалняя, к тому же, в

район, контролируемый нашими и правительственными войсками, поэтому майор Михайленко решил обойтись одним бронетранспортером. К тому же язык не поворачивался постоянно просить усиление, когда в боевых частях на счету каждая машина.

За год службы офицер понял, что в Афганистане нет абсолютно безопасных мест. Пару недель назад агитотряд основательно пощипали в каких-то двух десятках километров от Кабула. Хорошо еще, что обошлось одним раненым. Да, они тогда, что называется, случайно нарвались на остатки рассеянной банды, среди бела дня передвигавшейся от столицы на север. В штабе дивизии после доклада Михайленко за головы в недоумении схватились: откуда взялись там «духи», когда накануне после рейда десантников все было основательно «зачищено». Пришлось даже начальнику походного клуба и водителям взять в руки автоматы, чтобы отбиться. Вот тогда здорово выручил бронетранспортер: без него совсем худо было бы. Прицельным огнем из крупнокалиберного пулемета «броник» уложил обрадовавшихся было моджахедов на землю и не дал им приблизиться на расстояние броска гранаты. Но стоило ему замолчать, как «духи» чуть ли не в атаку пошли. Михайленко отчетливо видел эти перебегавшие, чуть сгорбленные фигурки с чалмами на головах, слышал их злобные крики. От одной мысли, что их немногочисленное и отнюдь не боевое, а агитационно-пропагандистское подразделение, разобьют в пух и прах эти средневековые дикари, становилось не по себе. Слава Богу, пулеметчику бронетранспортера удалось перезарядить ленту, и спасительный КПВТ вновь, как ни в чем не бывало, заработал. «Духи» вынуждены были отступить и раствориться в близлежащей «зеленке».

Какой сюрприз ждет агитотряд в этот раз, наверное, и Аллаху неизвестно. Сулеймана по телефону предупредили, чтобы к полудню собрал местных жителей на площади самого большого кишлака Алихель. Для чего, разумеется, тоже сказали: теперь дехкане точно придут с детьми, целыми

семьями, чтобы побольше получить дармовых продуктов на руки. А именно массовость, как говорит начальник политотдела, наш главный козырь против душман. В борьбе за умы и сознание людей в ход идут не патроны и гранаты, а совершенно другое оружие: пшеничная мука высшего и первого сорта, рис, соль, сахар – продукты первой необходимости, в которых очень нуждаются многие крестьяне. Ведь испеченная из советской муки лепешка афганцам во стократ дороже и памятнее любой наглядной агитации. Проверено на практике: естественным, востребованным дополнением к продуктовому набору стала культурно-просветительная программа в виде показа с помощью передвижной киноустановки документального или художественного фильма на дари, а также бесплатное медицинское обследование и лечение всех нуждающихся. По этому, уже отшлифованному до мелочей сценарию, и работал дивизионный агитационно-пропагандистский отряд.

Ире казалось, что она очутилась на другой планете: ей все было в новинку. Таинственно-загадочной воспринималась сама поездка в неизвестный кишлак, где от нее, девчонки, выпускницы медучилища, ждут помощи совершенно чужие люди, другой веры и национальности. Сумеет ли она хоть немного облегчить их страдания и физическую боль, оправдать надежды? Хорошо, если полученных знаний хватит, а если нет, то к кому за помощью обращаться? Она ведь в одном лице профессор, врач и медсестра. Да, вгонит ее тогда в краску по самые уши командир: это он умеет. Сомнения одолевали Ирину всю дорогу, пока их санитарная машина, иронично именуемая здесь «таблеткой», тряслась в составе небольшой агитационной колонны по пыльным ухабам предгорья. На коленях Иры, как главный боезапас, лежала медицинская сумка. Девушка на всякий случай держала ее при себе, вдруг поступит срочная команда.

– А ты в самом деле из Ленинграда? – чтобы нарушить затянувшееся молчание, поинтересовался водитель Юрий Ромашкин. Этот белоголовый парнишка, за редкий цвет волос

и подходящую фамилию получивший в отряде сразу два прозвища – Blondин и Ромашка, понравился Ире с первого взгляда. Немногословный, задумчивый, несуетливый, каким-то основательным, надежным показался он ей. Явно не балаболка-пустомеля, легко дающий и также быстро забывающий обещания, не любитель отпускать сальные шуточки в адрес женщин (ни разу из его уст не слышала даже невинного ругательства). Наоборот, при случае солдат ненавязчиво проявлял уважительное отношение к слабому полу. Всегда первым поздороваётся, пропустит вперед, да ту же переднюю дверь «санитарки» не показушно-галантно, а естественно, с доброй улыбкой откроет: садись, мол, сестричка, прокачу. И прокатил бы с огромным удовольствием и, конечно, с ветерком, только не по разбитой афганской дороге, а по ее любимому Невскому проспекту. Вот и «таблетку» снаружи и внутри вымыл и отполировал так, будто не на особое задание в кишлак, а на автовыставку собрался. Ира оценила солдатское старание, но виду не подала.

– А я был в твоём городе на экскурсии, после 9 класса. Может, даже возле твоего дома проходил. Ты не в центре живёшь? Нас водили в Эрмитаж, к Медному всаднику, в Петропавловскую крепость, поднимались мы на палубу знаменитой «Авроры». А ещё запомнилась мне прогулка по Неве и ночной развод мостов. Удивительное зрелище!

«Как далеко сейчас все эти достопримечательности и сам родной город-красавец, по которому она успела уже сильно соскучиться. Особенно по маме с папой, младшему брату, бабушке, подругам. Они где-то там, в совершенно другом мире. А я зачем-то здесь, в чужой мусульманской стране, на войне». – Воспоминания Юры навеяли тоску. И она поспешила сменить тему разговора.

– Интересно, какие из афганок жены, матери? За что больше всего ценят их мужчины: за красоту, хозяйственность, ум, кротость характера?

– Афганки, говорят, действительно красивые, но как проверишь: они же в парандже с головы до пят ходят. А ты

смогла бы в сорокаградусную жару в таком наряде прогуливаться? – Юра, хитро улыбнувшись, перевел взгляд с пыльной дороги на нее.

– Нет, это испытание не для меня.

За разговором не заметили, как их небольшая колонна втянулась в кишлак Алихель. Непривычное для славянина, но звучное восточное слово: любопытно, не женское ли имя оно означает?

Традиционным восточным поклоном с приложенной к сердцу правой рукой встречал их Сулейман с членами местного комитета. На площади стояла притихшая людская толпа, и лишь непоседы мальчишки, что-то дружно щебеча на своем языке, как заведенные, носились вокруг урчащей советской техники. Они не впервые встречали «шурави», этого высокого командира уже знали в лицо, наверняка, вновь привезшего им гостинцы. И пусть мулла говорит, что эти подарки не от Аллаха, а от «неверных», поэтому брать их грешно, кто же откажется от бесплатного мешка настоящей белой муки, сытного риса или даже пачки вкусного сахара, когда во многих семьях голодают?!

Сулейман предложил майору Михайленко, как обычно, провести сначала короткий митинг, потому что после раздачи продуктов площадь быстро опустеет. Он же первым и взял сово:

– Уважаемые дехкане! Народно-демократическая партия Афганистана, совершившая апрельскую революцию и с помощью братского Советского Союза строящая новую жизнь, делает все для того, чтобы сделать жизнь простого народа лучше. Вы теперь, а не помещики и баи, десятилетиями притеснявшие и бессовестно эксплуатировавшие ваш труд, хозяева своей судьбы. Отправляйте детей не в медресе, а в открывающиеся в стране школы, пусть учатся грамоте, сами же вступайте в партию, идите служить в армию, органы безопасности, помогайте нам бороться с контрреволюцией, и вместе мы победим.

Никто из отряда, кроме переводчика лейтенанта Набилова, не знал, о чем так страстно и пламенно, как настоящий трибун и повелитель масс, говорит Сулейман. Может, он так же неистово и убедительно ругает Советский Союз и проводимый под его руководством курс Бабрака Кармаля. Но Сулейман проверенный, свой человек и советский офицер Михайленко полностью доверяет ему. Более того, считает афганского активиста своим другом. Был у него пару раз дома, пробовал вкусный плов и другие национальные блюда, приготовленные женой Анорой, а это по восточным законам много значит.

Толпа молча выслушала десятиминутную речь партийного активиста. Трудно было понять, какое впечатление произвела она на бедных дехкан. Ирине Кузнецовой показалось, что они восприняли выступление весьма равнодушно, как некий ритуал, а сейчас попросту ждут главного – раздачи привезенных продуктов.

– Кому нездоровится, кто болен, не стесняйтесь, подходите сюда, вам окажут медицинскую помощь, – и Сулейман рукой показал на их «санитарку».

Но местные жители выстроились в длинную очередь к двум «Уралам» с мукой и рисом. Получив по списку причитающиеся продукты и взвалив мешки на плечи, мужчины быстренько, будто боялись, что их отберут назад, уносили добро домой. И лишь в самом конце их пребывания в кишлаке к передвижному медпункту несмело подошла женщина с маленькой девочкой на руках. Едва прикоснувшись к ее лобку, Ирина и без градусника поняла, что у той высокая температура. Послушав дыхание, а оно оказалось нечистым, прерывистым, Ира испугалась за девочку, на ее глазах увядавшую. «У нее, похоже, воспаление легких, причем, болезнь прогрессирует. Нужно срочно доставить ее в госпиталь, к нашим врачам». Но когда переводчик объяснил все матери, та истерически запричитала и отрицательно закрутила головой.

– Вы хотите, чтобы она умерла? – в недоумении жестко спросила Кузнецова.

Набилов теперь уже Ире пояснил, что без согласия мужа она ничего не может сделать. Таковы нравы.

– А где ее муж?

– Как я догадался из путаного ответа, в горах. Он душман.

Подошел майор Михайленко с Сулейманом. Вместе обсудили патовую ситуацию. Если ничего не предпринять, девочка может уже к утру умереть. Но даже это не подействовало на афганку, беспомощно рыдавшую.

– Она сказала, что всю ночь будет молиться Аллаху, и тот обязательно спасет дочь.

– Аллах не врач, к тому же он находится очень далеко отсюда, на небесах, – глухо заметил Сулейман на дари и как выход предложил позвать старейшин кишлака. К их мудрому совету женщина обязана прислушаться.

Так и сделали. С горем пополам уговорили мать сесть с ребенком в «таблетку». Юра завел машину. Но ехать одни, без колонны они не имели права. Командир отряда объявил пятиминутную готовность к совершению марша.

Через минут десять колонна тронулась в обратном направлении по той же пыльной ухабистой дороге. Позади осталась половина пути, когда раздался взрыв. На мину наскочил пустой «Урал», возивший в кишлак муку. Водитель не пострадал, отделавшись легкой контузией. А вот левое переднее колесо взрывная волна безжалостно вырвала и отбросила метров на двадцать. Наскочи на смертоносную взрывчатку их беззащитный и маломощный санитарный УАЗик, все ехавшие в нем, включая несчастную афганку с ребенком, моментально превратились бы в груз двести.

У Иры разболелась голова. Ее бросало то в холод, то в жар от одной только мысли об этой страшной случайности, когда твоя жизнь уже тебе не принадлежит, а всецело зависит от того, в скольких сантиметрах от обочины преступная рука «духовского» минера заложила коварный сюрприз и на каком расстоянии от него прокатится резиновое колесо. Майор

Михайленко был как грозовая туча, разве что молнии не метал. От злости неизвестно на кого матерился как сапожник. Второй «Урал» взял своего покалеченного собрата на жесткий буксир и, не застрахованные от повторного подрыва, машины продолжили путь.

Наши врачи спасли жизнь афганской девочке. Она так, наверное, никогда и не узнает, кому, кроме Аллаха, обязана своим чудесным исцелением. Разве что мать, тайком от мужа, обмолвится о своем «грехе», который только в том и заключался, что от безысходности подошла она к советской машине с красным крестом и доверила своего смертельно больного ребенка «неверным»...

* * *

Так, в буднях незаметно для Иры пролетели две недели. Когда никуда не выезжали, тоже хватало работы. За медпомощью обращались солдаты и офицеры, даже с соседнего разведбата, хотя у них был свой военный врач. Потом Ира раскусила эту маленькую военную хитрость: симпатичная 20-летняя девчонка, только приехавшая из Союза, казалась лакомой приманкой для одуревших от войны молодых парней и мужчин, стремившихся при первом удобном случае познакомиться, завязать отношения. Вот и придумывали несуществующие головные и сердечные боли, лишь бы получить аудиенцию у новенькой медсестры. Ира, будучи веселой и общительной, искусно подыгрывала мнимым больным.

Среди «заболевших» к ее немалому удивлению оказался и майор Михайленко.

– Ирина Сергеевна, что-то мотор в последнее время барахлит, – пожаловался он не своим голосом, опустив глаза в пол. – Может, давление прыгает.

– Сейчас измерим, товарищ майор.

– Вы это... можете меня не так официально, а по имени - отчеству называть. Вы же не военнослужащая.

– Хорошо, товарищ майор, ой, извините, Анатолий Иванович. А давление у Вас как у первого космонавта Земли – 120 на 80. На работе сердца переутомление, видимо, сказывается, да еще жара. Я после ленинградской погоды никак не могу к ней привыкнуть. Начало осени, а стоит настоящее пекло.

– Ира, хочу пригласить Вас на свой день рождения.

– Так хотите или приглашаете?

– Буду рад видеть Вас за столом, рядом с собой. Отметим своим узким кругом. Дата не круглая, хотя особенная. 33 – возраст Христа.

Она ошибалась, считая, что командиру не больше тридцати. Все - таки худощавое, стройное телосложение женщин и мужчин молодит.

Следующим вечером (было как раз воскресенье, законный выходной) в комнате Михайленко собрался не такой уж и узкий офицерский круг. Кроме своих было несколько человек со стороны, с тисненым в типографии приветственным адресом подошел замначпо майор Сергей Данилов, непосредственно курирующий агитотряд. Он, как старший по должности, первым и произнес тост за именинника, сказав в его адрес немало добрых слов. Ире, по торжественному случаю нарядившейся в светло-голубое платье, приятно было сидеть рядом с командиром. Шутки, смех, веселье – они лучшие лекарства для человека, круглосуточно находящегося на войне. И пусть сейчас не гремят выстрелы и непривычно тихо за окном, сознание не обманешь: оно тонко чувствует, что военная опасность рядом, она лишь притаилась на время, дав возможность каждому слегка отдохнуть и расслабиться. Но в любую секунду может прозвучать сигнал боевой тревоги.

– Среди нас присутствует единственная представительница прекрасного пола, хранительница нашего здоровья прекрасная Ирина Сергеевна, и было бы просто несправедливо, не предоставить ей слово.

Она не собиралась произносить тост, так что предложение майора Данилова застало Кузнецову врасплох. Но девушка быстро собралась с мыслями.

– Я хочу пожелать Анатолию Ивановичу главного – целым и невредимым вернуться домой, где его с нетерпением ждут родные и близкие.

За это и выпили. Каждый сидящий за столом в те минуты наверняка вспомнил о своих домашних: маме, отце, жене, детях, с которыми разлучил приказ убыть на войну.

– Ира, можно я Вас провожу? – предложил майор Михайленко, когда она помогла убрать со стола и помыть посуду. – Уже полночь, освещения никакого, – искал все новые аргументы командир, лишь бы она согласилась.

Да и чего отказываться, подумаешь, сто метров до женского модуля пройдутся вместе, тем более в темноте.

Перед тем как расстаться до утра, слегка опьяневший Анатолий Иванович попробовал ее поцеловать, но Ира ловко увернулась.

– Спокойной ночи, товарищ командир, – с этими словами она, как птичка, выпорхнула из-под мужской опеки и скрылась за дверным порогом.

... Очередной выезд агитотряда также не предвещал легкой прогулки. И хотя в Панджшерской долине мощным эхом прокатилась крупная военная операция, разогнавшая по щелям бандформирования, они, как змеи, в любое время могли выползти из них и нанести коварный удар в спину. Если бы только знать место возможной вылазки «духов». Оперативные разведданные на сей счет носили слишком уж общий характер. Поэтому в штабе дивизии решили излишне не рисковать отрядом, выбрав для него наименее опасный маршрут, пролежавший по селениям и кишлакам, расположенным вдоль основной дороги от Анавы до Рухи.

Работы здесь для местной власти непочатый край. Такой бедности и нищеты они еще не видели. Люди ходили в каких-то обносках, а на их убогие жилища жалко было смотреть, не

то что в них обитать. Население явно голодало, и скорее всего это была одна из основных причин высокой смертности.

Так что доверху груженные мукой, рисом и гречкой три машины уже за час опустели. А желающих получить продовольственную помощь еще оставалось несколько сот человек. В их глазах читалась мольба о спасении. Но что мог сделать майор Михайленко со своим небольшим подразделением? Тут, в Панджшере, не один, а десять агитотрядов должны работать. Доложив замначпо о ситуации, Анатолий Иванович получил «добро» на обратный рейс за продзапасами. Для охраны грузовиков был выделен БТР из мотострелкового полка.

Тем временем к медпункту на колесах выстроилась очередь, в основном из пожилых дехкан. Кузнецовой в этот раз было легче: вернулась из отпуска Нина Викторовна, терапевт. Но все равно работы обоим хватало.

Многие обращались с такими запущенными болезнями, что ничем уже нельзя было помочь. Одного старика беспокоила прогрессирующая грыжа в паху, но осмотр показал, что требуется срочное хирургическое вмешательство. Здесь, в полевых условиях, не было никакой возможности провести даже минимальную операцию. Как жалко этих ни в чем неповинных людей, оставшихся наедине со своими болезнями, которые лишь усугубляются от постоянного недоедания, отсутствия нормальных бытовых условий, элементарного медицинского обеспечения. Тот, кто даст им самое насущное и необходимое – хлеб, воду, свет, лекарства, одежду, за тем и пойдут без всякой агитации и пропаганды эти обездоленные жители гор. Кабульская власть пока ничего этого не смогла предоставить даже по минимуму, потому и не находит она поддержки в отдаленных кишлаках и аулах. А одними революционными лозунгами и призывами детей не накормишь...

К концу дня вернулись «Уралы» с продовольствием, вновь собравшие вокруг себя пеструю афганскую толпу.

Решили норму пайка урезать, чтобы в каждые протянутые руки дать хоть по пару килограммов советской муки и риса.

На ночлег агитотряд встал возле палаток комендантской роты. Так спокойнее. Водитель Юра Ромашкин приятно удивил, приготовив Ире ужин из сухпайка. Разогретая на костре перловая каша с маслом показалась деликатесом, как и сваренная сгущенка к чаю. Куда и подевалась накопившаяся за долгий день усталость, отступили прочь тревоги и сомнения, грустный мотив мыслей сменился радостным настроением. Как здорово просто сидеть у костра, смотреть на огонь и ни о чем не думать.

– Уже прохладно, накинь на плечи куртку, – это вновь проявляет заботу Юра. Хороший, добрый он парень. Рядом с ним чувствуешь себя действительно защищенной.

Нина Викторовна устроилась на носилках в салоне санитарки на ночлег, а их, молодых, не брал сон. Где-то в горах раздалась короткая автоматная очередь, и снова стало непривычно тихо вокруг. Этим воспользовался неугомонный сверчок: его лунная серенада ничем не отличалась от слышанной не раз в Союзе. Странное ощущение: как будто и не в Афганистане они находятся.

– Ир, загадывай желание, звездопад! – с детской непосредственностью выкрикнул Ромашкин. – Первый раз вижу три сгоревших подряд метеорита.

– Бабушка в детстве рассказывала, что это души давно умерших людей по небосводу гуляют. Потом вновь исчезают в темноте по каким-то своим законам, – вспомнила Ира.

– Может, и так. Я вообще-то верю в легенды и мифы. Есть в них доля правды.

– Это что в нас за посиделки при Луне? – раздался за спиной строгий голос майора Михайленко. – Рядовой Ромашкин был, кажется, отбой. Приказываю спать.

Они остались вдвоем. Но разговор почему-то не клеился. Легкое, романтическое настроение Иры, как эфир, улетучилось, на смену ему непрошеной гостьей вернулась грусть.

– Ира, ты прости меня за тот вечер. Я не хотел тебя обидеть.

– Вы о чем, Анатолий Иванович? Я на Вас зла не держу. А сейчас извините, очень устала, хочу отдохнуть.

* * *

– Проснитесь, красавица, солнце встало уже над горизонтом, пора и вам вертикальное положение принимать, – полушутливо пропел над ухом Юрка, почти прикоснувшись к нему губами. Она пребывала в такой сладкой дреме, что мукой казалось выходить из нее.

– Командир довел задачу: через час трогаемся вместе с основной колонной до Анавы. Там агитируем на митинге за Бабрака Кармаля и советскую власть, показываем кино, раздаем оставшиеся продукты, лекарства и дальше в путь. Машину я уже заправил.

– Есть подниматься, товарищ рядовой! – в тон Ромашкину подыграла Ира. – Вы только дайте даме привести себя в порядок.

Все пока складывалось по утвержденному вчера плану, что настораживало Михайленко. Он привык уже к сюрпризам и подвохам, и когда их не было, начинал беспокоиться.

В Анаве их ждали местные партактивисты. Клубная машина с отремонтированным движком была востребована на всем протяжении маршрута, в том числе и здесь. Из ее динамиков, усиленная эхом гор, разливалась вокруг спокойная афганская музыка, приглашавшая людей к общению. Затем застрекотала киноустановка, спроецировавшая на большой экран кадры документальной хроники, рассказывающие о счастливых мирных буднях жителей соседних азиатских республик Советского Союза. И уже после этого показали долгожданное кино – индийский художественный фильм про любовь, переведенный на дари. Всех в агитотряде уже тошнило от этой наивной сказки для

взрослых, но жители Анавы видели ее впервые, поэтому по-настоящему переживали за героев.

Заметив в колонне машину с красным крестом, людской ручеек потек и к ней. Ромашкину приходилось на время приема пациентов из водителя переквалифицироваться в санитара. Так втроем кое-как и справлялись с этим живым конвейером. Видя, что медицина загружена по максимуму, майор Михайленко и хотел бы, но ничем помочь не мог: каждый солдат был на счету.

Попутешествовав по Панджшеру еще трое суток и израсходовав весь запас продовольствия и лекарств, отряд благополучно вернулся на базу. В Чарикаре, правда, их слегка обстреляли, но они проскочили опасный участок не останавливаясь.

* * *

— Ромашка, тебе письмо, но его не получишь, пока не сбацишь свой фирменный гопак, — почтальон отряда рядовой Зотов умел прикалываться над ребятами.

Юра, для видимости изобразив несколько танцевальных движений, забрал письмо. Оно было от мамы из родной Новобогдановки. Она писала о хорошем урожае груш, слив и яблок в этом году, о том, что в школе, где она завучем, сменился директор, а две его одноклассницы — Валя и Оля на днях выходят замуж. Прочитал письмо — будто дома побыл.

Ире тоже пришла весточка от родных из Питера. Юра обмолвился про своих одноклассниц.

— А я под венец не спешу, — отреагировала Кузнецова. — Главное ведь не во сколько лет, а за кого замуж выходишь. У меня подружка тоже выскочила в восемнадцать за первого встречного, а толку? Уже разбежались. Не понимаю, зачем было торопиться, жизнь ведь не беговая дорожка.

— Может, она думала, что это ее первая и последняя любовь.

– Юра, а ты веришь в настоящую любовь? Или может она существует только в воображении писателей и режиссеров, талантливо придумывающих все эти красивые истории?

– Мне кажется, что жизнь сама гениальный выдумщик, которому нет равных. Порой она так круто и неожиданно закрутит сюжет, что берет сомнение: а возможно ли такое в действительности. Но чудеса, поверь Ира, бывают. Например, разве не чудо, что мы с тобой, родившись в разных республиках, за сотни километров друг от друга, встретились здесь, в Афгане, да еще в одном подразделении?

– Это обыкновенная случайность.

– А философы утверждают, что каждая случайность – проявление закономерности.

– Да, с тобой не поспоришь, ты, оказывается у нас шибко грамотный. – Ира одарила его нежной улыбкой.

До чего же просто и хорошо ей с ним даже болтать ни о чем! Кажется, вот так целый бы день прошел в разговоре, и не кончилось бы наслаждение от общения. Она еще не разобралась в нахлынувших новых чувствах, поэтому боялась даже себе признаться в них. Необъяснимо теплая, приятная волна незримо накатывала всегда, когда видела и говорила с Юрой. Этот скромный белоголовый парнишка, обладавший каким-то магнетизмом, удивительной притягательной силой души, с каждым днем все больше нравился ей.

* * *

Было воскресенье, и Ира позволила себе проснуться позже обычного. На быструю руку привела себя в порядок, заварила зеленого чая. У афганцев не случайно это напиток номер: бодрит не хуже кофе, к тому же хорошо утоляет жажду. Уже затеяла небольшую стирку, когда в дверь тихо постучали, и на пороге, словно привидение, вырос рядовой Ромашкин. Кузнецова даже опешила на секунду: никак не ожидала встретить его в женском модуле. Не хватало еще, чтобы бабы, заметив солдата, распустили слухи.

– Проходи, Юра. Извини, я тут постирушку устроила.

– Ира, тебя командир срочно вызывает. Нина Викторовна в Кабул вчера отпросилась, он велел тебе собираться вместе с ним к Сулейману. Его жене плохо.

– Хорошо. Передай, что я через двадцать минут буду.

Знала бы заранее, чем закончится та поездка по знакомому маршруту в Алихель, она бы сама прикинулась больной и осталась в отряде. Тем более, что было воскресенье, законный выходной. Хотя если Михайленко все задумал заранее, а не спонтанно, под действием спиртного решил вновь приударить за ней, то, конечно же, отказаться от служебного задания не получилось бы. Тем более, как специально, не оказалось на месте врача.

Около полудня были у Сулеймана. Командир не стал больше никого брать, дав возможность отдохнуть подчиненным. На одной «санитарке», которую хорошо знали в окрестностях Баграма, они и приехали втроем: водитель рядовой Ромашкин, майор Михайленко и медсестра Кузнецова. Из оружия на всякий случай взяли с собой два автомата Калашникова с четырьмя рожками, и в бардачке лежала дежурная, как шутил Юра, «лимонка» к чаю. УАЗик с красным крестом уже примелькался на здешних дорогах, «духи» «санитарку» обычно не трогали, зная, что она спасает и афганцев.

После осмотра Аноры, жены Сулеймана, Ира поставила диагноз: обострение язвы желудка на почве отравления. Она, конечно, не врач, могла ошибиться, но слишком уж явными были симптомы этого заболевания, которые косвенно подтверждали и не спадавшая второй день повышенная температура. Кузнецова достала из сумки антибиотики – тетрациклин, кларитромицин, жаропонижающие таблетки, анальгин и димедрол, марганцовку для промывки желудка. Рассказала мужу, понимавшему по-русски, что и как принимать. И добавила:

– Если утром лучше не станет, надо вашу жену везти в госпиталь, к нашим специалистам.

Выходит, не зря Сулейман потревожил своего советского друга Михайленко. Жена давно почувствовала недомогание, но он надеялся, что боль со временем исчезнет. Теперь стало очевидно: все слишком серьезно. Спасибо Анатолию Ивановичу, что сразу откликнулся. Сколько раз Сулейман выручал его лично, и командование дивизии, исправно давая достоверную информацию о происходящем в баграмской «зеленке». «Шурави», конечно, в долгу не оставались, помогали продуктами, топливом, иногда деньгами ему и другим семьям партийных активистов, а с созданными по указанию НДПА местными отрядами самообороны делились и боеприпасами. Так удавалось сохранять определенную стабильность в зоне ответственности, гарантировать относительную безопасность жителям близлежащих кишлаков. И если статус-кво внезапно нарушалось подрывом советской машины или обстрелом военного городка, это означало, что вмешалась какая-то третья, пришлая сила. Этих «гастролеров», от которых в первую очередь страдало местное население, и помогал выявлять и обезвреживать Сулейман со своими партактивистами.

– Анатолий Иванович, у вас такой очаровательный и умный доктор, с которым никакие болезни не страшны, – повосточному витиевато заговорил, расплывшись в благодарной улыбке, хозяин дома. – Я буду счастлив, если доктору Ире понравится мой бакшиш.

Сулейман достал из круглой коробочки ювелирное украшение – оригинальные бусы из лазурита.

– Тебе очень идет, правда, Анатолий Иванович? Носи на здоровье, дорогая, и будь счастлива.

Затем радушный хозяин пригласил их пообедать.

– У афганцев сегодня праздник – день рождения пророка Мухаммеда. Я думаю, по этому поводу Аллах разрешит нам по русской традиции немножко выпить. За здоровье моей жены.

Они прошли в просторную гостиную, главной достопримечательностью которой были ковры: большой, самотканый, лежал на полу, остальные, чуть поменьше,

украшали стены. Ира впервые оказалась в афганском доме. Ее удивило почти полное отсутствие мебели, даже привычного стола. Стулья заменили лежавшие на полу подушки.

– Ковер – наш дастархан. Или как в русских сказках – скатерть-самобранка, – пояснил Сулейман с не исчезающей с его лица улыбкой.

– Это чача, божественный напиток из винограда, настоящий на травах, или, как я называю, домашний коньяк. Ира вам как медику должно быть известно, что в умеренном количестве спиртное полезно для здоровья.

– Знать бы еще эту меру, – пробовала отшутиться Кузнецова.

– Да, это, может быть, самое главное качество человека, – включился в разговор Михайленко. – А то наш брат зачастую пьет, пока не упадет. Но в порядке дезинфекции, это незаменимое средство. У нас редактор дивизионной газеты 43-летний мужик трезвенником был образцово-показательным. И грамм в рот не брал, пока... не заболел вначале малярией, потом гепатитом. Теперь и рад бы стакан поднять, так больная печень уже не позволяет. Вывод какой напрашивается? Пей, пока душе в кайф, а организму не во вред.

– Мудрые слова, говоришь, Анатолий Иванович, – наполняя рюмки, сладко пропел хозяин дома.

Первый тост, как и ожидалось, был за очаровательного доктора. И как не уточняла Ира, что она всего лишь медсестра, Сулейман будто не слышал ее. Он внимательно следил за тем, чтобы у его гостей всегда была еда в тарелках, и щедро подкладывал в них салат, плов и баранину. Вдоволь было и свежих фруктов, сладостей.

Второй тост произнес майор Михайленко — за советско-афганскую дружбу в его лице и радушного Сулеймана. Командир по инерции хотел подняться, но вовремя смекнул, что на Востоке можно и сидя говорить, тем более за дружбу.

– А я хочу выпить за любовь. Это чувство доступно всем людям на Земле: бедным и богатым, здоровым и больным, старым и молодым. Вот мы с Анорой уже 25 лет вместе...

– О, вам пора серебряную свадьбу отмечать! – не удержалась от восторга Ира. – Ей в гостеприимном афганском доме было уютно, легко и беззаботно. Приятная беседа, оригинальная на вкус, хотя и крепкая, чача, видимо, этому тоже способствовали.

– У нас такие юбилеи как-то не принято праздновать, хотя, наверное, зря. Но вот поправится жена, приедут из Кабула дети, и мы обязательно по-семейному отметим дату. Все-таки четверть века как вместе.

– Неужели ни разу не поссорились?

– Почему нет?! Бывало, что и ссорились, но до конца дня мирились.

Так за по-восточному неспешным разговором незаметно и пролетело время. Когда спохватились, солнце уже садилось за макушки гор.

– Куда вы, на ночь глядя, поедете? Я вас не отпущу: мало ли что может случиться. И потом, Анатолий Иванович, ты давно обещал мне не наскоком-наездом, а по нормальному погостить, с ночевкой. Вот и случай подвернулся. Тем более что мою жену, чувствую, придется завтра утром на чем-то в госпиталь везти. Вместе и поедем.

Михайленко долго уговаривать не пришлось: резон в словах Сулеймана был. Да и ничего в подразделении за ночь не случится. На всякий случай он предупредил дежурного, что, возможно, задержится. Ире ничего не оставалось, как согласиться на ночлег. Даже романтично и необычно провести ночь в афганском доме, будет что вспомнить.

Ей отвели отдельную комнату с небольшим окошком, в которое вскоре украдкой заглянула луна. Ира разделась до ночной сорочки, так как было очень тепло. Мягкая перина легко приняла ее молодое упругое тело, которое с наслаждением впервые расслабилось за несколько месяцев. Она каждой клеточкой чувствовала свою плоть, с

удовольствием вытянула ноги, и будто перенеслась в беззаботное и радостное детство, на дедушкин сеновал. Даже незабываемый запах сена (откуда только он здесь взялся?!) ощутила. Или это мираж, сладкий сон? Голова немного кружилась от выпитой чачи, но ничего, этот же напиток придавал и удивительно приятную легкость.

...Ира, открыв глаза, увидела лежащего рядом командира и мгновенно поняла, что все, происходившее с ней минуту назад, отнюдь не пригрезилось во сне, а было наяву: нежные прикосновения, ласки и поцелуй в губы. Вскрикнув, попробовала освободиться от мужских объятий, но руки Михайленко крепко закольцевали ее.

– Пустите, иначе я буду кричать.

– Ирочка, солнышко, послушай... Я не могу уже сдерживать себя. Ты... ты очень мне нравишься и волнуешь, как женщина, как девушка. Я хочу тебя любить долго и по-настоящему.

– Нет, оставьте меня, в покое. Я не подстилка какая-нибудь...

– Пожалуйста, не делай глупостей. Давай вместе расслабимся, ты же ведь не железная, того же, что и я, хочешь. Мы одни здесь, никто ни о чем не узнает.

В порыве страсти Михайленко покрыл жадными поцелуями ее лицо, шею, голую грудь, и остановить этот мощный напор она уже была не в силах. Последний оборонительный редут пал, когда одним ловким движением Анатолий Иванович снял с нее трусики и раздвинул стройные ноги. Твердое копьё вонзилось ей внутрь да так быстро и глубоко, что Ира застонала от боли. Она кусала пересохшие губы, лихорадочно крутила головой и до изнеможения извивалась на перине, пока не ощутила в себе разлившуюся теплую густую жидкость, а с ней приятную истому, сначала внизу живота, а потом и во всем теле, ставшем вдруг необычно мягким и податливым. После этого она закружилась в стремительном вихре до беспамятства захлестнувшей страсти...

Утром, позавтракав, они забрали Сулеймана и его жену, которой так и не стало лучше, и выехали в Баграм. Ира всю дорогу себя чувствовала неважно, ее слегка подташнивало, поэтому каждый ухаб отдавался в печенках. Но она мужественно терпела, не проронив и слова. Девушка корила себя за минутную слабость, за то, что позволила мужчине грубо овладеть собой. Хотела ли она этой интимной близости с командиром? Скорее нет, чем да, раз мучают угрызения совести, чувство стыда. Ее растерянный взгляд уткнулся в коротко стриженный затылок майора Михайленко, уверенно сидевшего впереди рядом с водителем. Офицер молча курил сигарету. «В душе, небось, радуется, что добился своего. Можете, товарищ майор, смело записывать в свой актив еще одну победу над женским полом, к которому Вы явно неравнодушны». Ее так и подмывало со злости сказать эту фразу вслух, но она не решилась при посторонних. Ладно, афганцы — чужие люди, ей стыдно перед Юрой Ромашкиным, который по-прежнему нравится ей. Он, наверняка, сейчас думает о ней как о последней шлюхе, безвольно раздвинувшей ноги перед командиром. Но и Михайленко еще тот ловелас, ловко воспользовался минутной слабостью беззащитной девушки. Низко это, недостойно офицера. Разве настоящий мужчина так поступил бы? Только где они, истинные джентльмены, рыцари чести, завоевывающие женские сердца не физической силой, а остроумием, обаянием, ухаживанием, преклонением перед красотой?

И тут она вновь подумала о Юре. Он точно не удовлетворил бы мужскую похоть вот так грубо, по животному, против ее воли.

— Ирина Сергеевна, вы можете сегодня отдыхать, — официальным тоном разрешил ей отгул за воскресенье майор Михайленко, когда они вернулись в часть.

Он угадал ее невысказанное желание побыстрее добраться до общежития и надолго встать под душ, чтобы смыть с себя весь позор и грязь минувшей ночи. Да только как очистишь душу от скверны, а память от неприятных

воспоминаний? Вся надежда разве что на время, этого универсального лекаря.

Зоя, заметив перемены в ее настроении, предложила вечером вместе сходить в кино.

– Знаешь, я буду только мешать вам с Валерой обниматься...

– С Олегом, – уточнила подруга по комнате. – И мешать ты вовсе не будешь.

– Нет, я лучше почитаю любовный роман на сон грядущий.

– Да романы крутить нужно, а не читать про них! – развязно засмеялась Пригожина собственному шутивому экспромту и, помахав наигранно ручкой, упорхнула за порог, оставив Кузнецову одну.

Наступившая тишина принесла Ире желанное успокоение. Свернувшись на неразобранной кровати калачиком, она с удовольствием принялась за чтение. До чего же все складно и увлекательно в книжках: жизнь намного запутаннее и сложнее. Здесь не перевернешь ненужную страницу, не пропустишь как малозначимый какой-то неприятный эпизод, наконец, как фолиант не отложишь в сторону пережитые тобой мгновения, волнения, события. И все же книга, только умная, душевная, действительно друг человека. Это особенно понимаешь, когда на душе грустно, одиноко.

Погрузившись в чтение, Ира словно отключилась от времени и перенеслась из объятаго войной Афганистана в мопассановскую Францию, в романтический XIX век. Почему она родилась так поздно, а не во времена королевских балов и мушкетеров? Интересно, кто и каким образом определяет, кому и когда явиться на свет, кто достоин яркой, полноценной жизни и настоящей любви, а кто нет? Если бы можно было запрограммировать свое будущее, сделать его более предсказуемым и счастливым...

Увлеченная чтением и нахлынувшими мыслями она не сразу услышала стук в дверь.

– Наверное, соседка Таня уют принесла, – подумала Ира.
– Входи открыто.

Но она ошиблась. В комнату решительно шагнул майор Михайленко с бутылкой шампанского. В душе будто оборвалась натянутая струнка. Она никого не хотела видеть сейчас, тем более этого человека, принесшего ей страдания и боль.

– Анатолий Иванович, я Вас разве приглашала?

– Нет, но я подумал... Ира, солнышко, не сердись на меня, а пойми...

– Я всего лишь гражданская служащая медсестра Кузнецова, а до солнышка мне, как и Вам, товарищ майор, очень далеко.

Он поставил шампанское на стол и потянулся было за пачкой сигарет, но в последний момент передумал.

– Давай поговорим откровенно, спокойно, без эмоций. Ты думаешь, мне чача в голову ударила там, в доме Сулеймана? Да, может, не следовало мне тайком врывать в комнату к тебе, спящей. Но меня обуревала неуправляемая страсть. Клянусь, я потерял контроль над собой. А все потому, что люблю тебя как... проклятый.

– А я – нет, – холодно отрезала она. – Уходите, пожалуйста.

– Ира, скажи, что я должен сделать, чтобы ты ответила взаимностью. Какой подарок хочешь, говори, не стесняйся.

– Не надо мне ничего. Оставьте только в покое.

– Ира, нам вместе служить, ты будешь, как сыр в масле кататься...

Приблизившись к ней, застывшей у кровати, он левой рукой уверенно обхватил девичью талию, а правой стал расстегивать кофточку, наполовину оголив белоснежную грудь. Она, испугавшись повторения пережитого насилия, закричала на весь женский модуль.

– Чего ты орешь, как последняя дура! – словно обжегшись, отскочил от нее в явном замешательстве Михайленко. Анатолий Иванович никак не мог взять в толк,

почему ему, майору, командиру отдельного подразделения отказывает не кто-нибудь, а смазливая девчонка, к тому же подчиненная по службе, которую он вчера уже поимел. Многие гарнизонные бабы на ее месте давно с радостью и выгодой для себя спали бы с командиром, стоило только поманить.

– Если Вы сейчас же не уйдете, о вашем недостойном поведении завтра узнают начальник политотдела и военный прокурор, – строго отчеканила Кузнецова, застегивая кофточку.

– Боюсь, после таких громких заявлений мы с тобой, дорогая моя, не сработаемся. Придется тебе искать другое место.

– Ничего, не пропаду. Надеюсь, в госпитале специалисты моего профиля еще нужнее, чем в агитотряде.

Удивительно, но тот разговор отрезвляюще подействовал на майора Михайленко. Похоже, он сделал для себя выводы. По крайней мере, о необходимости расставания ни разу больше не обмолвился. Ира же готова была немедленно сменить место работы. Тем более что для командира медсестра по фамилии Кузнецова будто перестала существовать: он ее в упор не замечал. За то с Юрой Ромашкиным Ира еще больше сблизилась, чему искренне радовалась.

По вечерам, когда вместе с днем уходили суматоха и заботы, они вспоминали о доме. Юра часами готов был рассказывать о своей Новобогдановке, о древних украинских обрядах и народных традициях, о славных походах казаков Запорожской Сечи, о том, что ели и пили они на коротких привалах среди широкой степи. Он знал и любил свой родной край, где сделал первые в жизни шаги, обрел друзей, получил аттестат зрелости. Рано потеряв отца, Юра стал для мамы и младшей сестренки опорой в жизни. Устроился на металлургический комбинат, там даже простым рабочим хорошо платили, а вечерами три раза в неделю бегал – нет, не на свидания к девчонкам, а на курсы. С пятого класса

основательно поселилась в Юре мечта – стать водителем большегрузных машин. Он спал и видел себя за рулем мощного автопоезда, безостановочно мчащегося по скоростным дорогам Европы. Что ж, мечта сбылась, правда, лишь частично: у него не автопоезд, а скромный санитарный «уазик», колесящий отнюдь не по европейским автобанам, а по разбитым и пыльным, к тому же опасным афганским дорогам... Но ему только девятнадцать лет, так что еще вся жизнь впереди, чтобы осуществить мечту полностью.

– Ир, командир чего-то на меня взъелся в последнее время. Все ему не так. Почти ежедневно придирки какие-то нелепые. А вчера вообще заявил, что снимет меня с «санитарки», переведет в пехоту. Какая его муха укусила, не пойму.

– Это он от зависти (она вначале хотела сказать от ревности), глядя на нас. Михайленко готов был платить за мою любовь к нему. Да только ошибся адресом: я не умею любить за деньги.

– А он что на тебя глаз положил? Скажи честно, что у вас произошло в доме Сулеймана: утром ты была на себя не похожа: очень бледная и злая, как голодная пантера.

– Все уже в прошлом, Юрочка. Давай раз и навсегда забудем.

– Прости, если случайно причинил боль. – И Юрка нежно обнял ее за плечи. – Кузнечик ты мой... Можно иногда тебя так называть?

– Это вместо фамилии значит? Что ж, тогда ты будешь для меня рядовой Ромашка.

– А тебе нравятся эти цветы?

– Теперь да. – Ей хотелось добавить, что не только цветы, фамилию, но и его самого она уже полюбила, но постеснялась произнести это вслух. Все-таки признаться в любви первым должен парень. Как и сделать предложение.

Когда получалось, а это удавалось нечасто, тем дороже и незабываемее были эти минуты, они вместе любовались закатом солнца. В горном Афганистане это особое зрелище.

Оранжевый кругляш, несмело ощупав своими лучами вершины древнего Гиндукуша, плавно, на глазах скрывался за ней, озарив напоследок удивительно прозрачным светом все вокруг.

В один из таких по-осеннему красивых закатов Ира Кузнецова и услышала Юркино объяснение в любви, которое, как и положено, парень скрепил долгим сладким поцелуем. Он же первым заговорил и о свадьбе, которую они сыграют сразу после Юркиного «дембеля» и непременно подгадают торжество под белые ленинградские ночи. Красивое и загадочно-романтическое получится зрелище, в котором гармонично будут сочетаться природное чудо в виде естественного, побеждающего тьму, света, и белоснежная фата невесты – символ чистой, непорочной любви и рождения новой жизни.

* * *

...Тот роковой день, на всю жизнь ставший для нее черным, Ирина будет помнить до конца дней своих. А ведь с утра ничто не предвещало беды. Агитотряд в полном составе находился на месте. Была суббота, командир объявил паркохозяйственный день. Юра Ромашкин вместе с другими водителями обслуживал технику. Уже ближе к полудню его вызвал майор Михайленко:

– Смотаешься напрямик в Алихель. Отвезешь Сулейману лекарство для жены. Заодно посмотришь, как ведут себя новые амортизаторы. На обратном пути заберешь возвращающегося с отпуска старшину. Он через час будет на блокпосте у перекрестка. Все понял?

Чего тут не понять! Ромашкин даже обрадовался выпавшей возможности на законном основании увильнуть от рутинной черновой работы и прокатиться с ветерком. А то засиделся уже на месте. Дорога напрямик хоть и неважная, зато хорошо знакомая, всего несколько километров. Он быстро обернется.

Ира задержалась в штабе, а когда вышла, то только поднявшийся за «санитаркой» столб пыли увидела. С Юрой в тот день они лишь взглядами обменялись. Ромашкин направился в парк, она в медпункт.

Услышав страшное известие о подрыве на mine «санитарки», которая не подлежит восстановлению, Кузнецова едва не упала в обморок: ноги предательски подкосились, а сама она на миг онемела. Как утопающий за последнюю соломинку, так Ира ухватилась за вопрос, в котором сконцентрировалась вся ее душевная сила и надежда: жив ли водитель? Узнав, что Юра без сознания находится в реанимации, не разбирая дороги, кинулась в госпиталь, моля Бога о его спасении.

Не сомкнув заплаканных глаз, Ира просидела у Юриной кровати до самого утра. Он, искалеченный душманским фугасом, с каждой минутой дышал все труднее. И вдруг перестал.

– Не-е-т! – изо всех сил на весь белый свет диким криком запротестовала Ира. – Юра, миленький, дыши! Я тебя очень прошу! – Кузнецова, позвав на помощь дежурного врача, стала массировать сердце. Но все оказалось тщетно. Рядовой Ромашкин умер, так и не придя в сознание.

Наверное, более несчастного человека, чем она, не было в те минуты во всем Афгане. Ирина отказывалась верить в то, что ее любимого больше нет. Ей не хотелось жить. Как белуга ревела, билась в истерике, пока врач-анестезиолог не ввел ей протившоковый промедол.

Кто-то сильный и невидимый задвинул в дальние уголки сознания мучившую ее боль, и ей стало легче. Но через некоторое время действие наркотического препарата закончилось и, очнувшись, Ира вновь терзала себя вопросами: почему судьба столь жестоко обошлась с ней и Юрой, еще только начинавшими самостоятельно жить, чем прогневили они Бога, не внявшего ее молитвам? Кто по-черному позавидовал, сглазив едва зародившееся взаимное чувство?

И тут Иру, словно током, ударила догадка: это Михайленко все подстроил! Это он убил их с Юрой любовь. Что за необходимость была куда-то отправлять «санитарку» под странным предлогом испытать дурацкие амортизаторы, кого-то встретить? Какое имел моральное право командир подразделения так слишком вольно распоряжаться жизнью солдата, молодого парня? А ведь Михайленко знал о том, что накануне саперы сняли с этой старой дороги несколько мин, но почему-то именно по ней направил своего водителя. Да, в объезд расстояние до Алихеля почти вдвое увеличивается, зато намного безопаснее путь. А, может, ее подозрения зряшные, так как горем надуманы?

...Под самый Новый год, дождавшись-таки сменщика, убывал майор Михайленко в Союз. За день до отъезда, встретив Ирину возле штаба, предложил вместе возвращаться на Родину. Обещал развестись с женой и жениться на ней. Сказал, что по-прежнему любит и будет ждать. Вырвав с блокнота листик, аккуратно написал свой домашний адрес, телефон и протянул ей. Кузнецова даже бровью не повела. И слова не сказав на прощанье, не удостоив последнего взгляда, Ирина быстро и гордо ушла, так и не оглянувшись ни разу.

Содержание

Бабье счастье

Закон супружеской верности

Из жизни отдыхающих

ЛюБоль

Надя, Вера и море

Не обещайте деве юной...

Оля и ее Василек

Прозрение

Прости меня, мама...

«Сдается квартира с... женихом»

Старый холостяк

«Тебя, Надюша, мне сам Бог послал...»

Тютя-матютя

Убитая любовь

Литературно-художественное издание

СОЛОНЕЦ Григорий Васильевич

ЛЮБОЛЬ

Рассказы

Редактор

Н. И. Мельниченко

Компьютерная вёрстка

Л. В. Гатовицкая

ОО «Минское областное отделение
Союза писателей Беларуси».
Пл. Свободы, 13-1, 220013, г. Минск.
Тел./факс: 8(017) 347 08 60.
E-mail: maaspb.m@yandex.by
www.maaspb.by
